

ДЕТЕКТИВНОЕ

РЕТРО

ДОМ НА БАУМАНОВСКОЙ

ЮЛИЯ ЛИ

Детективное ретро

Юлия Ли

Дом на Баумановской

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ли Ю.

Дом на Баумановской / Ю. Ли — «Эксмо», 2022 — (Детективное ретро)

ISBN 978-5-04-165365-1

Серия «Детективное ретро» — это остросюжетные романы Юлии Ли о Советской России 20-30-х годов для читателей, которые хотят не только насладиться увлекательной интригой, но и узнать нечто новое об известных исторических событиях, больше понять жизнь и быт своих старших родственников. Москва, сентябрь 1928 года. При странных обстоятельствах застрелился агент угрозыска. Старший следователь Фролов подозревает убийство и отправляется за вердиктом к судмедэксперту профессору Грениху. Тот подтверждает факт суицида, но советует начать дознание. Погибший агент протоколировал массовые беспорядки с участием бывших военнопленных — оказалось, иностранцы разжигают контрреволюционные скандалы и устраивают дебоши против советской власти. В это втянуты не только чиновники, но и простые школьники. Дочери профессора Майке придется спасти своих товарищей от суда, а самому Грениху — схватиться с собственным Мориарти и попытаться разоблачить подпольную сеть... Увлекательность, захватывающие приключения, колоритные описания реалий времени, хорошее знание исторического материала, эксклюзивная информация о советской России 20-х годов — все это читатели найдут в новом романе Юлии Ли «Дом на Баумановской» из серии «Детективное ретро», написанном по мотивам реальных уголовных дел.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165365-1

© Ли Ю., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4,	37
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юлия Ли

Дом на Баумановской

© Ли Ю., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Уполномоченный МУРа 5-го района города Москвы Семен Баранов вышел из здания уголовного розыска в Большой Гнезниковский переулок. 19 сентября 1928 года. Он мысленно представил это число на своем надгробном камне рядом с датой рождения.

Было туманно и сыро, стремительно сгущалась темнота, фонари еще не зажгли. Семен снял кепку, обернулся и, будто прощаясь, глянул на трехэтажный плоский особняк, принадлежавший до революции Департаменту полиции, а ныне московскому угро. Его чуть покачивало. Близкая смерть уже пробралась под кожу. С тяжелым вздохом он провел ледяной влажной рукой по потному лицу и ежику коротко стриженных волос.

Решено! Сегодня покончит с этим навсегда, больше покрывать их не намерен. Либо он, либо его. И невольно сжал ручку «нагана», спрятанного за ремнем под полой куртки. Такого суда, как в 1924-м, уже не будет, тогда почти всех взяточников из МУРа оправдали или освободили под амнистию. На дворе стоял 1928-й, кругом чистки, доносы, аресты. Если всплывет эта история – расстрел, позор семье.

Баранов сделал несколько шагов вдоль ограды, жадно цепляясь за чугунную решетку и каменные выступы. Его взгляд был прикован к ногам, с каким-то отчаянным страданием он наблюдал, как под стоптанными, выдавшими виды ботинками хрустит палая листва, понимая, что делает такое простое наблюдение, быть может, в последний раз. Пронзенный этой мыслью, он повернул обратно и быстро пошел в сторону грязно-зеленой одиннадцатизэтажной громады бывшего дома Нирнзее, нынешнего Моссовета, ощутив себя под ним ничтожно маленьким и жалким. Из домовой кухни с первого этажа запахло рассольником, а он не ел с утра, скрутило желудок. Где-то над ним сидят люди в кафе на крыше, весело щебечут влюбленные парочки в темноте кинотеатра. Сегодня давали «Дом на вулкане» про рабочих-нефтяников из Баку, а он с трудом переставлял ноги в тяжелых ботинках по сухим листьям навстречу собственной гибели.

Страстная площадь встретила шумом и светом, на миг подарив отрадное успокоение и чувство продолжающейся жизни. Вокруг чугунного Пушкина все кипело и гудело. Мчались вереницей таксомоторы – черные «Рено» и «Форды», притормаживая, выплевывали торопящихся пассажиров и убегали. Проезжали пузатые автобусы и рогатые трамваи, то и дело сходясь и расходясь со своими братьями, идущими по встречным путям. Сновали туда-сюда люди – женщины в прямых пальто и низких круглых шляпках, комсомольцы в серых юнгштурмовках, мужчины в белых фуражках, прорезиненных макинтошах, двубортных пальто добротного английского драпа и модных нэпманских шляпах. Тут же на углу здания аптеки дети большой дружной кучкой пересчитывали на раскрытых ладонях мелочь, гуляли парочки, цветочница шарахалась от прохожего к прохожему, суя охапки разноцветных флоксов и астр.

Большими шагами Баранов двинулся сквозь людской водоворот к низенькому одноэтажному магазину «Госиздата», обошел книжную лавку кругом, не зная, что делать, куда податься, поднял голову лишь на миг, как пловец, выхватил из панорамы вывеску «Известия», следом «Кинотеатр Тверская, 46» и механически повернул на Тверской бульвар. Здравый смысл подсказывал: лучше оставаться в гуще народа, но он же говорил обратное: чем многолюднее место, тем проще будет Смерти сделать свое грязное дело и рассеяться в толпе, как бывало уже не раз. Тяжело стучало сердце, по заливку пробежал холодок. Баранов чувствовал ее – Смерть, шагающая, плывущая, парящая черной тенью рядом, словно задевала его краем своего макинтоша. И куда бы он ни пошел, она дышала в спину.

Он был здесь, он выследил его. Он и был Смертью.

Не слухом, поглощенным ударами в ребрах и шумом в ушах, и не зрением – глаза по-прежнему были прикованы к тому, как под истертой подошвой сминаются кленовые и дубовые

листья, но каким-то внутренним чутьем, печенкой, он ощутил близость своего преследователя – так загнанный зверь угадывает приближение охотника.

Рассчитывая сбить его с толку, Баранов метнулся через улицу, чуть не попав под колеса трамвая, отчаянно заверещавшего колокольчиком.

– Так твою и разэтак! – крикнул ему в спину вагоновожатый из окошка, потрясая кулаком.

Баранов застрял на середине дороги, мимо пронеслась извозчичья пролетка, следом черная махина таксомотора, за ней, извергая клубы бензиновых паров, грузовик. Он кинулся к тротуару, случайно сбил плечом едущего по обочине велосипедиста, завертевшись волчком, толкнул какую-то тетку в пуховом платке, повязанном на груди крест-накрест, та вцепилась в свою матерчатую сумку, плотно забитую продуктами.

– Милицию позову! Ишь!

Баранов дернул, как оголтелый, к Никитскому бульвару, слыша только шум ветра в ушах и то, как ухало, отдавая в голову, сердце. Потом вспомнил, что на Никитском жили родственники жены, где-то рядом была школа, куда ходили его дети, здесь он мог встретить знакомых, и завернул в Калашный переулок.

Черная дыра арки длинного, как кишка, мрачного двухэтажного дома манила своим ложным покоем. Почти ничего не соображая, он нырнул в нее, прижавшись спиной к грязной, облупившейся стене. Пахнуло гнильем, человеческими испражнениями с примесью влажной извести. Рассудок – подтаявший студень – растекался, в глазах рябило. Баранов полез проверять, на месте ли «наган». Непослушной рукой с перекошенными судорогой пальцами принялся шарить за поясом. Глухой звук падающего на мостовую металлического предмета вернул ясность рассудка. Баранов выдавил злобное ругательство и стек по стене спиной, потянулся руками куда-то в темноту. В глубине арки, во дворе, горела пара окон, но их сероватого, поддетого дымкой света не хватало, чтобы разглядеть, где он уронил револьвер. Пальцы шарили в забившихся у стены перегнивших комках листьев и чего-то еще смрадного, на ощупь склизкого. Мостовая была мокрой – в арках никогда не просыхало, и в самую июльскую жару стены всегда покрыты аспидными пятнами плесени.

И тут над ним выросла *его* черная тень.

Бросится в узкий проход – и угодит в тупик. Что останется? Забежать в какой-нибудь подъезд? Стучать во все двери? Кто пустит беглеца в свою квартиру?

Сжав зубы, с утробным рычанием он отпружинил от пола и протаранил его головой. Думал, напорется на нож или раздастся выстрел, но тень качнулась и отступила, а Баранов вновь помчался через Калашный переулок к Никитскому бульвару. Ждал выстрела в спину, но вот огни широкого бульвара, и он на свободе, живой... Надолго ли? Весь Гоголевский бульвар галоп он сменял на пеший шаг, оглядывался, ничего позади не видя, словно был в очках с залитыми дождем стеклами. Слева церковь Ржевской Божьей Матери, справа здание Верховного суда, где он бывал не раз по долгу службы. У самых Никитских ворот взгляд привлекла новая будка телефона-автомата, о которой только сегодня читал в «Вечерней Москве». Надо бы сделать последний звонок жене, попрощаться, что ли... А к будке, как назло, выстроилась длинная очередь. Захотелось домой, но нельзя, там дети. Если уж и порешат, то пусть подальше.

На углу Волхонки и Знаменки Баранов припал к камню маленькой часовенки, ощущая под пылающими ладонями почти могильный холод выбеленной стены. И лишь через несколько минут смог отдышаться и различить в тумане фигуру идущего к нему патрульно-постового милиционера. Черная шинель, фуражка с красным околышем, на поясе – кобура.

Баранов затаил дыхание, наблюдая за его приближением. Тот словно нарочно замедлял шаг, вглядываясь опасливым прищуром в прижавшегося к стене человека. Наверное, взлохмаченный, в перепачканной чем-то смрадным куртке он казался подозрительной личностью. Время замерло. Шаг, шаг, шаг... И едва милиционер стал поднимать руку, чтобы отдать честь

– неужели знакомый, узнал? – Баранов одним молниеносным движением бросился на него, вцепился в пояс, расстегнул кобуру и выхватил оружие.

Теперь за ним гнались двое. Милиционер орал, страшно сквернословя и топоча сапогами, другой шел по ту сторону Волхонки с убийственным спокойствием человека, уверенного, что достигнет цели, пусть даже та и старается изо всех сил уйти, отползти, как полузадушенная мышь от неспешной лапы сытого кота.

Впереди показались мрачные в темноте осеннего неба шпили и купола храма Христа Спасителя, вокруг кружили, каркая, стаи воронья. Нет, не спасется, и просить нечего ни у бога, ни у черта. Человек этот, что шел за ним, не знает пощады, на лбу его чудовищный шрам – в войну голову его чуть не разрубили надвое, выжил, наверняка продав душу какой-то темной силе. Не человек он, страшный механический зверь с поврежденным разумом. Не остановится ни перед чем.

Обогнув сквер у храма, Баранов нырнул в кусты в надежде, что этот маневр останется для преследователя незамеченным.

Три оглушительных выстрела спугнули с деревьев целую стаю ворон, усевшихся было на ночную спячку. С бранными криками снялись они с веток и взмыли в воздух к тонущим в черноте осеннего неба крестам.

Глава 1

Курс судебной медицины профессора Грениха

Старший следователь Алексей Фролов совершенно не чувствовал себя ни старшим, ни следователем.

Окончив строительный факультет Института инженеров транспорта еще в 26-м, Алексей, будучи на хорошем счету в райкоме комсомола, просил-умолял заведующего орготделом зачислить его в список московского комитета мобилизации комсомольцев в институт практикантства при уголовном отделе губсуда – попытать счастья стать сыщиком. Очень многие его знакомые ушли в следователи, и он хотел. Прошел стажировку, с успехом держал экзамен в аттестационной комиссии перед председателем Стельмаховичем и губпрокурором Швецовым, который был особенно пристрастным в определении пригодности на должность старшего следователя. И вот сбылась заветная мечта – теперь он работает в следчасти при прокуратуре в Столешниковом переулке, занимается уголовными делами, проводит дознания, имеет служебный автомобиль, собственный кабинет в два окна, со столом и телефоном. Все бы ничего, и справляется неплохо, но душащее чувство, что он плавает, что он – самозванец, ничего не смыслящий в следственных вопросах, не дает ему и шага ступить самостоятельно.

Все упиралось в то, что стажировку Фролов проходил у человека, который не был образцовым следователем, структура суда еще толком не устоялась, а работа его не всегда соответствовала циркулярам Наркомюста. Например, вместо того чтобы отдать в подчинение председателя суда административно-хозяйственную часть, вводятся какие-то туманные должности вроде «управляющего делами», уголовный отдел захватил власть над архивом, которым по циркуляру должна заведовать следчасть, и в завершение – полностью отсутствует охрана, хотя в штате числятся двадцать шесть человек, на которых отпускают немаленькие средства. Так и Мезенцев, прикрываясь должностью старшего следователя, нес обязанности заведующего члена суда при 6-м столе, а в нем велись дела смешанного характера, то есть такие, где должностные преступления переплетались с бандитскими, те с хозяйственными, а материалы дознания зачастую проходили под грифом «Секретно».

Алексей был не только лишен хорошего наставника, но совершенно не знал, как именно работает следственная часть, ибо Мезенцев почти не появлялся в своем кабинете в Столешниковом переулке, а все свое время проводил при уголовном отделе суда на Тверском бульваре. Должность заведующего 6-м столом за Фроловым, конечно же, не оставили. И он присоединился к другим тридцати четырем старшим следователям, занимавшим второй, четвертый и пятый этажи здания прокуратуры, чтобы вести скучное производство дознания. Никаких тайственных преступлений, заковыристых дел, какими занимался ставленник генсека – покойный Мезенцев, всего лишь простая обывательская бюрократическая возня, наполненная карточками, папками, ведением статистических журналов, копание в бухгалтерских бумажках, прием и рассмотрение кассационных жалоб, поверх чего налагалась еще и партийная работа с ее вечными заседаниями, докладами и прочей показухой.

Заняв всегда пустовавший кабинет своего таинственного предшественника, новоиспеченный старший следователь Фролов почувствовал себя чужим, одиноким и потерянным в этом большом, суетливом муравейнике. По иронии судьбы, прокуратура со следчастью делила пятиэтажное здание с 26-м отделением милиции, складом Винторга, кооперативом «Коммунар», пекарней и целой тьмой магазинов, парикмахерских и модных лавок, размещенных на первом этаже.

Думал Фролов, будет «как Шерлок Холмс», а не выходило даже «как Лестрейд». У него не имелось никого, кто мог бы подсказать, как поступить в том или ином случае, как вести

допрос, какую линию взять со свидетелем или подозреваемым. То, как вел дела Мезенцев – выслеживал, пытал, запугивал, – было недопустимо. Алексей знал все кодексы, циркуляры и декреты наизусть, вы зубрил еще во время практики, но все равно не хватало опыта работы с людьми – простыми советскими рабочими и служащими, ворами, проститутками, фининспекторами, кооперативщиками-нэпманами, «бывшими», которых теперь у него всегда был полон кабинет.

Начальник – губпрокурор – смотрел с холодным пренебрежением на выпускника стройфака, остальные следователи, большей частью «от станка и от сохи», без высшего образования, помалкивали в его присутствии – Фролов занял место человека, когда-то назначенного Сталиным, почти тайного агента. Некоторые, не знающие всей подноготной, шептались, что-де Алексей его подсадил и теперь сам не то шпик, не то подсадной, не то тоже человек генсека. Убийство следователя Мезенцева в театре Мейерхольда, разумеется, умело замяли, никто не знал, как блестяще Алексей вместе с судебным экспертом профессором Гренихом раскрыл его преступную деятельность¹.

Вот и ходил иногда Фролов просить совета профессора, как человека сведущего в поведенческой психологии, судебной медицине, да и в жизни тоже.

Специалистом Грених был действительно редким, один на всю Москву, потому что обладал специальными познаниями в психиатрии, владел гипнотическим методом, проводил и вскрытия, и сложнейшие судебно-химические анализы. До войны и революции он два года изучал в Московском университете судебную медицину, а потом нервные и психические болезни, работал в Преображенской психиатрической больнице, получил экстраординарного профессора и читал студентам юридического лекции по судебной медицине, но не простые, а с элементами психологии и психопатологии, что в те времена было большим новаторством.

Институт судебно-психиатрической экспертизы имени Сербского, или сокращенно ИСПЭ, где Грених работал сейчас, занимая должность старшего судебного эксперта и заведующего патологоанатомической лабораторией, возвышался за каменной оградой в Кропоткинском переулке трехэтажным серым зданием. Когда-то это место считалось всего лишь Пречистенской психиатрической больницей, но теперь образованный на базе больницы институт вел исследовательские работы в области личности преступника и психологии преступления, давал развернутые судебно-медицинские и психиатрические экспертизы и продолжал обучать практикантов.

Благодаря тому что весной институт посетила делегация ученых откуда-то из заграницы, Наркомпрос постановил ассигновать на его развитие большие средства. Затеяли ремонт, в подвальном этаже оборудовали морг с настоящими холодильными помещениями, усовершенствовали патологоанатомическую лабораторию. Торопились закончить все преобразования к осени, чтобы в новом учебном году успеть принять учащихся специального судебно-медицинского курса, который вел профессор.

Каждый четверг в послеполуденный час он проводил для студентов настоящие вскрытия, объясняя нюансы, детали, разбирал редкие случаи. Фролов все бы отдал, чтобы пройти такой курс, но службу оставить не мог. Половина обучающихся приходила к профессору в надежде что-нибудь выведать про гипноз, но курс по гипнотическому методу был вычеркнут из лекций института еще в прошлом году. Теперь гипноз разрешался только в стенах ИСПЭ, по специальному письменному разрешению Наркомздрава и по соглашению с Наркомюстом. Это значило, что он применялся секретно, в протоколах допроса упоминался редко, сведения, добытые с его помощью, прикрывали всем чем ни попадя: и липовыми свидетельскими показаниями, и агентурной работой, иногда информацию вытягивали из допрашиваемого уже после сеанса гипноза умело заданными наводящими вопросами, подгоняя второе под первое.

¹ Читайте об этом в романе Юлии Ли «После маскарада» (издательство «Эксмо»).

Фролов пересек необычайно оживленный присутствием студентов, стажеров и вольнослушателей приемный покой бывшей больницы, неловко махнув знакомой медсестре и поздоровавшись с завхозом, который, как немой, сделал жест пальцем вниз, показывая, где искать профессора.

Алексей и без того понял, что Грених в секционной, где через десять минут начнется практическое занятие, которое он вел на пару со своей молодой женой Агнией Павловной, студенткой третьего курса кафедры судебной химии, проходившей здесь стажировку под научным руководством супруга.

Комкая в руках свою клетчатую кепку, а локтем прижимая к боку папку, Фролов протискивался вдоль задней стены секционного зала, полностью забитого учащимися. Под холодным светом ламп блестел новенький белый кафель, сверкали металлические детали ящиков и столов, теснились фигуры студентов и студенток, тепло укутанных в пальто и шинели, замотанных шарфами, в шапках и пуховых платках. Они беспрестанно друг с другом галдели, испуская при этом густой пар. Агния Павловна всегда просила тепло одеваться на занятия – новые холодильные камеры, работающие с помощью насоса и аммиака, который гоняли по многочисленным трубам, помогали поддерживать в морге градусов пять по Цельсию.

Тут все замолчали и прижались плечом к плечу, Фролов оказался отесненным к двери. Створки распахнулись, впустив профессора, которому было чуть больше сорока, одетого в делающую его каким-то франтом хорошо пошитую темно-серую бостоновую пару, коротко стриженного волосок к волоску, гладко выбритого и подтянутого. От него не просто исходило сияние человека, находящегося у правительства на особом положении, что, впрочем, так и было, от него веяло особой силой и уверенностью блестящего специалиста и знатока своего дела. Все учащиеся были от него без ума, невольно подражали его смелой манере, студентки провожали влюбленными взглядами.

Женившись, Константин Федорович, как это обычно бывает, невероятно преобразился и лет на десять помолодел – можно сказать, стал совершенно другим человеком, чему Фролов безмолвно завидовал. Но таким профессор был не всегда.

Еще год назад он ходил нелюдем и букой в старом неопрятном военном плаще, руки не вынимал из карманов и говорил всегда резко, будто плюясь. Худящее и заросшее седой щетиной лицо вечно было нахмурено, черные с проседью волосы нечесаными прядями свисали на глаза – были времена, когда Грених страшно стеснялся своего гетерохромного взгляда. В войну он служил старшим врачом дивизионного лазарета, после революции зачислился в ряды Красной армии, но все равно попал в список красного террора, чудом выжил и два года проработал прозектором в морге Басманной больницы, занимаясь распределением тел погибших на фронте. Есть от чего одичать. Но Фролов этого не знал и всегда недолюбливал профессора из-за его непробиваемой черствости, а познакомился ближе только благодаря истории с маскарадом в театре Мейерхольда. Оказалось, Грених был человеком хоть и скрытным, но бесстрашным и благородным – в одиночку бросился разоблачать коварных преступников, получил пулю в легкое, молчал как партизан, боясь невинных подвести под опасность, пока не дознался до истины. В делах следственных он всегда проявлял какую-то особенную, почти шерлокхолмсовскую проницательность, восхищавшую Фролова.

– Итак, товарищи учащиеся, – произнес Грених, проходя мимо студентов и окидывая одним быстрым пристально-хозяйственным взглядом головы в шапках и платках, – давайте чуть расступимся, а то санитару нет места вынимать из хранилищ наш опытный материал.

Он сделал знак санитару быть наготове, дождался, когда студенты расступятся, и двинул к пустому секционному столу, выполненному из легкого металла и имевшему колесики на ножках. Одним быстрым движением он притянул стол к себе, легко, словно мальчишка, запрыгнул на него и сел.

– Сегодня мы будем проводить работу над ошибками, – продолжил он, снимая пиджак и вешая его на выступающую металлическую часть стола, а следом принимаясь закатывать рукава кипенно-белой рубашки. Галстука он никогда не носил. – Над моими ошибками. Будут опыты.

Фролов, оттесненный к двери, оказался прямо против профессора. Завидев старшего следователя, Грених дернул рот в улыбку, приветствуя его.

– Тема: «Смерть истинная и мнимая». – Студенты зашелестели тетрадями. – Записывать не надо, просто слушайте и смотрите. Иногда перед судмедэкспертом стоит задача освидетельствования мертвого тела, которое может оказаться... живым. В природе, в животном мире, и у человека в частности, порой наблюдаются такие состояния угнетения жизненных функций, что на первый взгляд трудно понять, труп перед вами или живой человек.

Говорил Грених, сидя прямо на секционном столе и чуть приподняв подбородок, обращаясь то к одному, то к другому студенту.

– Возьмем хладнокровных, – он опустил локти на колени и сцепил пальцы, – лягушки, рыбы, змеи способны выживать в ледяной воде зимой, буквально превращаясь в кусок льда, но при этом сохраняя очень незначительные проявления витальных функций. Слышали о таком все, правда?

Справа что-то сказали, Фролов не расслышал.

– Да, – подхватил Грених, оторвав локти от колен и выпрямившись, – они оттаивают, разумеется, и живут себе дальше. Теплокровные тоже. Например, сурки, впадая в так называемое состояние зимней спячки, понижают температуру своего тела до шести-восьми градусов по Цельсию, совершенно прекращая дыхательные движения. Обмен газов происходит через открытые дыхательные пути с помощью диффузии. Потребление кислорода и выделение углекислого газа падают до низких степеней. У человека во время сна явления жизни ослабевают. Все вы... или почти все, кто посещал мои лекции по гипнозу в прошлом году... были свидетелями того, как это происходит при сне гипнотическом. Но помимо обычного сна и гипнотического существуют такие патологии, когда наступает «обмирание». Да, да, правильно! – он опять выпрямился, указав ладонью на одного из студентов в шапке-ушанке, натянутой по самые глаза. – При нарколепсии, болезни Желино́. Потому-то я и назвал сегодняшнее занятие *моей* работой над ошибками. Когда-то ко мне попал человек с нарколепсией... Он, к сожалению, умер и был доставлен в ледник мертвым... Мне следовало перед вскрытием быстро и оперативно выяснить, не жив ли он. Бывали случаи, когда живой человек, имевший в анамнезе нарколепсию, ошибочно принимался за мертвого.

В это мгновение из толпы студентов вышла красивая молодая женщина в белом халате, ее светлые волосы были заплетены в косу, уложены ракушкой и спрятаны под белой косынкой.

– Что я должен был сделать? – спросил профессор.

– Пробу Икара с уксуснокислым свинцом! – подал голос один из студентов.

– Отлично! Но у меня не было под рукой уксуснокислого свинца. Все знают этот простой способ? Раствором уксуснокислого свинца ставят на бумажке росчерк, каракулю, пишут слово или букву, скручивают в трубочку и вкладывают ее в нос. Если мы имеем дело с трупом, то что произойдет?

– Труп не чихнет, – буркнул справа от Фролова какой-то шутник.

– Да, мертвые не чихают, но все же дышат, – возразил Грених. И как он его услышал? Парень пробормотал тихо. – Дышат сероводородом. Под его воздействием буква или каракуля побуреет или даже почернеет. Что еще мог бы я сделать, имея перед собой не то живого, не то мертвого?

– Серная кислота оставляет на коже трупа особого вида ожог.

– Если труп оживет, он вам не простит того, что вы его пытались прижечь кислотой.

– Сфигмометр указывает на остановку кровообращения! – крикнула студентка в пуховом платке.

– Прекрасно! А если сфигмометра под рукой не оказалось или он не слишком чувствителен?

– Но надо непременно проверить остановку сердца, – возмутился еще кто-то.

– Да! – согласился Грених. – Но как?

Тем временем молодая женщина в белом халате положила на стол рядом с ним металлический поднос со шприцом. Продолжая слушать студентов, которые бойко выкрикивали очень правильные и логичные ответы, Грених легонько гонял пальцами из стороны в сторону наполненный чем-то стеклянный цилиндр с поршнем, выдавая тем самым чуть заметное только знавшим его лично волнение, которое он испытывал перед публикой, невзирая на кажущуюся уверенность.

– При констатации смерти мы опираемся на перечисленные вами признаки, но не все они являются несомненным доказательством жизни. Не все органы умирают сразу, в одних не обнаруживается жизнь, а в других можно что-то нащупать. Если вы не слышите сердечные удары, если нет под рукой микрофона, который усилил бы звук, можно воспользоваться следующим методом. Кто там сзади, потушите, пожалуйста, свет.

Фролов тотчас принялся искать слева на стене кнопку выключателя. Пока стоял и слушал, прислонившись спиной к стене, раза два задел его плечом, поэтому безошибочно и быстро нащупал. Секционная погрузилась в темноту, и все увидели над тем местом, где сидел Константин Федорович, витающий в воздухе горящий зеленый огонек.

– Это у нас... Агния Павловна, уточните, будьте добры, что в шприце? – спросил Грених, делая вид, что запомнил, а на самом деле давая стажеру возможность себя проявить.

– Два грамма флуоресцеина, растворенного в пятнадцати граммах щелочной воды, – раздался из темноты мелодичный голос его супруги.

– Фролов, можете включить свет.

Алексей принялся судорожно искать выключатель, теперь впотьмах это сделать было сложнее.

– Флуоресцеин хорошо виден в темноте. При свете он не очень заметен. Но в темноте я себе в вену не попаду, – Грених принялся расстегивать и снимать рубашку. Остановился на секунду, строго добавил: – Не повторять на себе! Хотя флуоресцеин не слишком токсичен, но при свете обладает гемолитическим действием.

Фролов открыл рот от удивления, когда Грених, оставшись в нательной майке, согнул жилистую в рубцах руку, сжал кулак и быстро ввел иглу себе в вену на кисти, вновь попросив потушить свет.

Студенты с ахами подались вперед, но старший следователь успел заметить, как зеленая светящаяся змейка сверкнула у запястья и поползла вверх по предплечью к локтю. Грених поднял руку, нарочно вращая ею, чтобы всем было хорошо видно, как понесся флуоресцеин по кровотоку.

– Настоятельно прошу на себе не повторять. Кожа после становится желтушно-желтой, а цвет белков глаз зеленеет – что будет говорить в пользу живого пациента. С мертвым ничего подобно не произойдет. Пробу эту тоже предложил Икар.

Фролов вернул в секционную освещение, а студенты, удивленно гомоня и восклицая, обступили Грениха, разглядывая его пожелтевшее лицо и глазные яблоки, которые еще в темноте принялись гореть зеленым огнем, как у кошки. Ну и циркач, конечно! Зато умеет увлечь молодое поколение своим предметом.

Потом санитар выкатил из холодильной камеры покойника, и Грених повторил свой опыт на нем. Светящаяся жидкость вошла в вену, но так и осталась гореть у локтевого сгиба.

– А я читал, что можно надрезать небольшую артерию, – подал голос один из студентов. – Если потечет быстро – значит живой.

– Я не поддерживаю этот метод, – покачал головой профессор в ответ. – Можно, конечно. Но при некоторых видах смерти, при асфиксии например, кровь становится очень жидкой. Не будем задерживаться, становится прохладно, и я начинаю с завистью поглядывать на ваши теплые шарфы и шапки. Сразу переходим к следующему опыту, быстро его продемонстрируем, и я наконец смогу тоже одеться.

Скинув и майку, оставшись в одних брюках, он лег на секционный стол, подложив под голову руку и закинув на согнутое колено лодыжку. Вся его спина слева была в застарелых рубцах от ожогов. Фролов поежился – крепко же в германскую войну профессора, однако, потрепало.

– Может, кто-то из вас уже догадался, что мы сейчас будем делать. Этот опыт иногда проводят в анатомическом театре с животными. Итак, определяем, – покачивая черным ботинком с перфорацией, он прощупывал свободной рукой ребра, – наиболее подвижную часть сердца – его верхушку и, протыкая грудную стенку, вонзаем в него иглу...

В этот момент с иглой в руках – тонкой и длинной, как спица, – к Грениху приблизилась его верная ассистентка. Лицо Агнии Павловны было бледным и напряженным, она вздернула брови, сделав глаза такими большими, что, казалось, те были вырисованы красками. Закусив губу, занесла было руку над ним, но застыла, не решаясь.

– Ася, смелее, – тихо и доверительно проговорил профессор. – Ничего страшного не произойдет.

И почти тотчас же стремительно, как с головой в воду, Агния Павловна опустила иглу в то место, где Грених держал палец. Он едва успел убрать руку и почти не вздрогнул, хотя, наверное, такие фокусы были до ужаса болезненными. Шутка ли – иглой в самое сердце!

– Способ этот совершенно не опасен, сердцу навредить не может, – говорил он натужным металлическим голосом, видно, претерпевая не слишком приятные ощущения, но вида не подавая. – А если оно остановилось не более чем четверть часа назад, то возможно его запустить вновь или усилить ослабленные, не различимые невооруженным глазом движения. Укол будет действовать как раздражитель. Итак, в чем весь фокус, зачем мы сейчас занимаемся своего рода садомазохизмом? Я задержу дыхание, а вы смотрите на пустой конец иглы – он будет... во всяком случае, я надеюсь... – хмыкнул Грених, – он будет содрогаться, повторяя ритмичные удары сердца.

Фролов устался себе под ноги, ему не нужно было убеждаться в том, что профессорское сердце продолжает биться вместе со всаженной в него иглой. Студенты облепили его как мухи, одни нависли над столом, другие вытягивались на носочках, стремясь заглянуть за плечи впередистоящих товарищей. Ученый гомон длился долгих минут пять, пока Агния Павловна не вынула иглу, а профессор не принялся одеваться. В воздухе разлился острый запах спирта.

Грених накинул рубашку, стал спускать закатанные рукава и застегивать манжеты. Санитар выкатил из холодильной камеры прежний, уже знакомый труп – Фролов только сейчас заметил, что это был седовласый, бородатый мужчина средних лет, лицо которого покрывали пятна старческой пигментации, и отругал себя за такую позднюю наблюдательность.

Опыт с иглой на трупе был повторен при всепоглощающей тишине. Все человек сорок разом задержали дыхание, замерли в напряженных позах и, казалось, ожидали, что игла тоже начнет биться в такт сердечным ударам. Но покойнику был пятый день, и сердце его не удалось завести, хоть иглу и вкалывали в трех разных местах. Грених поведал о том, что сердечная ткань весьма жизнестойка и при доставке в сердечную мышцу питательных веществ, в виде Локковской жидкости например, возможно заставить биться даже вырезанное сердце животного и спустя несколько дней после смерти. Далее он рассказывал о температуре тел, мышечном окоченении, иногда прося свою супругу уточнить ту или иную деталь, касающуюся отрав-

лений ядами и действий каких-либо веществ, в чем она, как будущий судебный химик, знала будто даже больше, чем сам профессор. Хотя, скорее всего, догадался старший следователь, Грених просто старался поддержать ее.

Наконец он завершил занятие, подхватил пиджак и, втискиваясь в рукава, напомнил, что будет ждать всех желающих в следующий четверг – обещал разобрать тему отравлений, если в институт поступит подходящий материал, или виды удушений – такие образцы всегда имелись в избытке.

Еще минут двадцать студенты толпились вокруг него, задавая вопросы и разглядывая его светящиеся глаза, только потом принялись уходить. Фролов провожал взглядом каждого студента. Шумно обсуждая сегодняшнее представление профессора, по одному, по двое, одетые как на Северный полюс, они выходили в коридор к лестнице.

– С чем пожаловал, Леша? – спросил Грених, когда секционный зал наконец опустел.

– А это больно? – спросил тот, невольно поднеся к груди руку. Из мыслей все не шел опыт с иглой.

– Зачем тебе эта информация? – кисло скривился Константин Федорович и тут же улыбнулся, поймав вопрошающий взгляд жены, которая тоже хотела знать, каково это – быть с иглой в сердце. – Так что у тебя?

Фролов не мог перестать глазеть на его светящиеся белки глаз.

– И как долго будут у вас глаза как у ожившей мумии? – на лице застыла глупая улыбка. – Смотреть... страшно.

– Еще минут десять, не больше. Давай уже, не тяни.

– Да там... – Фролов безнадежно вздохнул. – Вчера вечером агент угрозыска... застрелился у храма Христа Спасителя.

– И что?

– Судмедэксперты в голос говорят – самоубийство. А я, хоть тресни, убийство вижу и все, а доказать это... не знаю, с какой стороны подобраться. Спорил с ними, с экспертами. Говорю, ну не мог человек три пули себе в грудь пустить, так никто не делает. Заключение составили с оговоркой, что не хватает данных.

– Есть свидетели?

– Да, постовой милиционер, у которого он отнял служебное оружие.

– Отнял оружие? – Грених дернул бровью. Агния Павловна отставила поднос со шприцами и иглами, подошла, заинтересованно слушая Фролова. Тот засмутился, некстати покраснел, стал комкать кепку, уронил папку, стал поднимать.

– Отнял, бросился бежать, нырнул в кусты в скверике у храма, и почти сразу же... раздались три выстрела подряд.

– Промежуток времени узнал?

– Да! – Фролов просиял, радуясь, что не забыл уточнить это. – Секунд пять между выстрелами. Общее время – секунд пятнадцать, со слов постового.

Грених сузил глаза.

– Вскрыли? Не был болен? Оружие какое? «Наган»?

– Вскрывали на Мясницкой, доктор Бейлинсон протокол составил, Криворотов и Попов тоже были. Оружие – «наган».

– А почему Криворотов и Попов? Агент с Баумановского района, что ли? На одежде следы пороха есть, какие? Ширина пулевого отверстия? Что пальцы?

– Следы пороха есть, ширина отверстий – все это в пользу выстрела с близкого расстояния. Тильные поверхности пальцев левой и правой рук в копоты.

– И что же тогда тебе еще нужно?

– Ну это же невозможно, Константин Федорович, – убить себя тремя выстрелами в грудь. Одним – куда ни шло. Три раза в себя. Три!

– Очень даже возможно, – возразил профессор. – В угрозыске служат люди далеко не робкого десятка. Он, видно, целился в сердце, чтобы было наверняка, но попал не сразу. А заставлял себя стрелять вновь и вновь, потому что знал, если не попадет, то останется калекой. Это в его планы не входило.

– Случай мутный, Константин Федорович, – в надежде поднял голову Фролов. – Вы бы сами посмотрели дело... Свидетель – ну, постовой этот – гнался за ним с угла Волхонки и Знаменки до самого храма. Говорит, он вел себя так, будто его кто-то преследует.

– Ну ведь милиционер его и преследовал.

– Он его заметил до того, как лишился оружия. Увидел издали и направился к нему, чтобы узнать, что стряслось. Тот был точно конь в мыле, волосы дыбом, куртка перепачкана – спасался от кого-то.

– А вокруг подозрительных личностей не приметил?

– Нет.

– Нет, не приметил или ты не спросил?

– Я спросил, – встрепнулся Фролов, чувствуя, что Грениху насквозь видна его ложь, даже самая крохотная и незначительная. – Но надо все же уточнить еще раз...

– Ладно, давай погляжу, – Грених взял из рук Фролова папку, которую тот уже три раза успел уронить. – Николай Иванович ошибок себе вроде бы не позволяет.

И принялся читать, бубня себе под нос и глотая части предложений:

– *«На левом борту куртки... отверстие 0,6 см, ткань на пространстве 6×11 см вокруг буровато-коричневого цвета, шероховата».* Так, понятно. *«По снятии одежды: во втором межреберном... с пояском осаднения в 3 мм... кнаружи – третья... как и первые две».* Хорошо. *«При вскрытии... левое легкое... 2 раневых канала... с отверстием в последней 2×1,5 см, неправильной формы... второй проходит через обе доли...»*

С непроницаемым лицом он вернул бумаги Фролову, для которого текст экспертизы все еще звучал как заклинания шумерских колдунов.

– Открывай дело и начни выяснять, чем этот Баранов занимался.

– А как по-вашему? Застрелился?

– Да, застрелился. Сначала попал в мягкие ткани и легкое, потом наконец прострелил аорту. Но, думается мне, не без давления со стороны. Выясняй, чем он занимался.

– Я немного посмотрел, какие протоколы он составлял, по каким адресам выезды совершал... Он был уполномоченным агентом Баумановского района. Есть один дом... нехорошая у него последнее время репутация складывается... Нет, вы не подумайте, там много приличных людей живут, из Моссовета даже. А раньше было много венгров, австрийцев – семьи военнопленных... и чехи, – продолжал Фролов, комкая свою кепку и опять роняя папку. – За текущий год жители этого дома трижды в нарсуде побывали и несколько раз подавали заявления мосгубпрокурору, – сгребал он с пола листы, – постоянные там беспорядки, какие-то стычки между русскими и иностранцами, дебоши и даже разжигание национальной вражды. Одни на других наговаривают. На будущей неделе должен перед губсудом предстать мальчишка... А как он предстанет? Он лежит с пробитой головой дома – мать утверждает, на него с кирпичом напали, а потерпевшая сторона – что он по пьяни спровоцировал драку. Его освидетельствовал, психиатрическую экспертизу составлял врач из КСЭ, что на Мясницкой... доктор Гладков, работает под начальством доктора Бейлинсона. И мне не понравилось, как его протоколы составлены, там не было алкогольной пробы. А у потерпевшего взяли, но поздно, на другой день. О пьяной драке только со слов свидетелей.

– А что за дом? – нахмурился Грених, будто предчувствуя неладное.

– Ах, это же ведь на Баумановской, да? – воскликнула Агния Павловна. – Не тринадцатый? Что в бывшем Девкином переулке?

– Он самый, кирпичный, красивый такой, бывшей купчихи, у которой завод где-то за городом был.

– Там и доктор Бейлинсон живет, – поддакнула профессорская жена испуганно.

– Майка ведь к его сыну математикой заниматься ходит? – спросил Фролов.

– Да, к Коле Бейлинсону, – подтвердила Агния Павловна, осторожно касаясь рукава Константина Федоровича, ставшего каким-то напряженным. – Помнишь его, Костя? На Пушкина немного похож, кудрявый такой, светленький, черноглазенький, поэт, музыкант, на виолончели играет, блистает в школьном театре, но провалил математику и остался на второй год. Ты же знаешь, она над ним шефство взяла.

– Дважды, – процедил Грених, сжав зубы и глядя вниз. – Дважды оставался на второй год.

И его лицо сделалось прежним: жестким, хищным, потемнели глаза. Врожденная гетерохромия стала такой явственной на фоне белков, еще горящих невыветрившимся флуоресцентном, что Фролову сделалось не по себе – одна радужка светлая, как стеклянная, другая слилась со зрачком, стала, как кусок смолы, бездонная, черная. Все же жил в этом человеке какой-то страшный демон, и хоть запрятал его профессор глубоко в душу, но, едва дело коснулось того, что ему было дорого, – Майки, дочери от первого брака, – демон этот тотчас показал свою зубастую сущность.

Фролов неловко потупился. Супруга Грениха тоже, видно, испытывала замешательство, настороженно поглядывала то на мужа, то на Алексея.

– Майя сдает экстерном экзамены и периодически перескакивает через классы, – добавила она, решив, что затянувшуюся паузу нужно разбавить пояснением. – Перешла в шестой, но уже всю программу девятого класса наизусть выучила. Любимый предмет! Математиком хочет стать.

Резким, нервическим движением Грених отдернул воротник рубашки, завернувшийся под пиджаком, и указал жестом на дверь.

– Прошу на выход. Здесь холодно, – сказал он спокойным голосом, в котором звенели лед и металл.

Глава 2

Зачем музыканту математика

Распластавшись по разбросанным на столе тетрадям, учебникам, уронив кучерявую светловолосую голову на сгиб локтя, Коля ковырял химическим карандашом на промокашке, бесконечно повторяя и повторяя очертания единицы в числителе и икса в знаменателе. Майка, нахмурившись, наблюдала отсутствующую гримасу мальчика, улетевшего в мыслях, казалось, куда-то в далекие дали. Свет косыми лучами втекал в занавешенные кружевными занавесками окна, обливал Колино золотистое от летнего загара лицо, мелкие завитушки волос у шеи были почти белыми. Через приоткрытую фрамугу несло свежестью, пряным запахом палой листвы, прошедшего утром дождя и сладостью конфет из кондитерской артели, располагавшейся через пару домов. Коля жил недалеко от вокзалов, на улице, где еще не снесенные низкие деревянные строения стояли вперемешку с каменными многоэтажными, в красивом кирпичном доме в три этажа, построенном за год до революции.

Уроками всегда занимались в гостиной за большим обеденным столом, устланным белой скатертью. Одетыми в серые шерстяные чулки ногами Майка ощущала высокий ворс красного с синими цветами ковра, в поставках красовался фарфор, по углам стояли выточенные из дерева этажерки, уставленные ангелами разных конфигураций и размеров – хрустальными, керамическими, вырезанными из дерева, а на стенах с полосатыми кофейного цвета обоями висело множество фотокарточек в узких позолоченных рамках. В углу стояла покрытая вязаным пледом тахта. Но гордостью Колиной гостиной было большое коричневое пианино и, конечно же, его виолончель на подставке, отливающая красным.

Майка часто заставляла его за музыкальными упражнениями. Коля всегда играл перед тем, как перейти к долгим сражениям с примерами и задачками. Музыка ей нравилась чуть меньше, чем математика, разумеется, но все же было в ней что-то волнующее. Особенно в сюите № 1 Баха – в самом ее начале.

Майка тихо проходила в гостиную, садилась на край тахты и слушала, закрыв глаза и представляя, как сама водит смычком по струнам на сцене Большого театра перед полным залом. Хорошо быть музыкантом, играешь себе, заставляя кусок дерева издавать божественные трели, а все кругом умиляются и хлопают. Учиться игре на таком сложном инструменте надо было начинать в дремучем детстве. Коля приступил к музыкальной грамоте аж в пять и уже десять лет отрабатывает свое умение. А куда Майке в ее тринадцать? В январе будет уже четырнадцать...

Дружить они начали сразу, как только Майка поступила в школу, – познакомились в театральном кружке. Коле, как самому видному актеру, всегда доставались лучшие роли во всех постановках, а Майке – неказистой худенькой девочке с черными стриженными до плеч волосами – хорошо, если изображение куста на ватманской бумаге позволят держать. Майкин куст, однако, никогда не отмалчивался в стороне, хоть был и бездушным предметом, за словом в карман не лез. Коля играл Пушкина, Онегина, Дубровского, гусар и юнкеров в школьных постановках, а Майка из-за декораций передразнивала его или отпускала едкие замечания. Они могли бы стать смертельными врагами, но у Коли был мягкий характер, слова маленькой востроглазой «колючки» из младшего класса, как он ее прозвал, смешили его, а порой наводили на мысль, как подправить свою игру. Ведь замечания ее были всегда справедливыми, а не с целью уколоть. Да и к театру он серьезно не относился. Но когда давал какую-нибудь пьесу на виолончели на музыкальных вечерах в школьном актовом зале, Майка не стеснялась подойти первой после концерта и поздравить с великолепной игрой.

– Знаешь что? – сказала она, расправив на коленях складки синего сатинового платья, зло выпятив губу и убирая волосы за уши. – Человек подобен дроби.

– Ну, ну! – устало вздохнул Коля, продолжая возить карандашом по промокашке.

– Это еще Лев Толстой сказал. Сказал, что числитель – это то, что человек есть, а знаменатель – то, что он о себе думает.

– Тогда я есть единица, и я ничего о себе не думаю. Или думаю о себе «икс», – Коля выпрямился на стуле, с неохотой притянув тетрадку. На первой странице была выписана его аккуратным девичьим почерком страшная, как всадники Апокалипсиса, система линейных уравнений с двумя неизвестными, в которой в объятиях скобок пространство дробей иксы и игреки делили с цифрами и знаками плюс и минус.

– Чем больше знаменатель, тем меньше дробь, – не сдавалась Майка, убирая со лба вечно лезущую на глаза длинную черную челку.

– Не доказано, ведь мы не знаем, чему равен мой икс.

– А я бы знала, как ответить, чтобы посадить тебя в лужу.

– Я в тебе не сомневаюсь, – мягко и беззлобно ответил Коля. – Но и тебе, маленькой колючке, со мной не совладать. Я не смогу понять эти уравнения. Для меня это наскальные знаки кроманьонцев.

– Ты это директрисе скажи.

– Уже сказал, когда она меня на второй год грозила оставить. А еще добавил, что лоб расшибу, но докажу, что проживу и без этих игреков. Ты одна в школе осталась, кто решился взять надо мной шефство. Кто только за этим столом не сидел: и Толик Степанов, и Женья Сорокин, и Ленка Филина. Все со мной в конце концов соглашались. Так и говорили: а ну тебя, Коля, чего с тобой время терять. Уже и отец рукой махнул, хотя в прошлом году грозился нанять учителя. Согласись и ты.

– Не-а, не дождешься.

– Это дело принципа, понимаешь? Ну не нужна музыканту математика. Пусть меня и на третий год оставят, и на четвертый. Пусть опять не примут в комсомол и галстук этот отнимут, – Коля нервно оттянул от горла красный узел, аккуратно повязанный у воротника его выглаженной рубашки с бантовыми карманами, похожей на юнгштурмовку, только пошитую из белого сатина. – Пусть я в этой школе помру. Тогда, быть может, мне воздвигнут памятник, – он вскинул голову, взгляд его подернулся печалью, и он откинулся на спинку венского стула. – И напишут большими буквами: «Здесь умер великий композитор и поэт, виолончелист Николай Николаевич Бейлинсон, отдав жизнь за истину!»

Майка упрямо фыркнула, оборвав его фантазии.

– Математика все равно нужна.

– Зачем? Чтобы посадить обидчика в лужу, когда он тебе про дроби задачку задаст, пытаюсь алгеброй гармонию поверить, а душу запихнуть в знаменатель?

– Во-первых, в числитель. В знаменатель Лев Толстой вкладывал сознание.

– Это все казуистика!

– Ничего не казуистика. И знаешь, как сделать, чтобы твоя дробь была больше?

– Ну и как? – скривился в кислой улыбке Коля.

– Знаменатель должен быть меньше числителя.

Его лицо замерло на мгновение, глаза потемнели – вычисления на лице отразились физическим напряжением скул и посинением вен на висках. Он не был тугодумом, но с цифрами у него действительно всегда были какие-то патологические трудности, которые стали особенно отчетливо проявляться в последний год. То ли математика стала сложнее, то ли Коля – вредней.

– Как называется такая дробь? – сжалась Майка.

– Не помню, – выдохнул он.

– Ты издеваешься? – спросила она, сузив глаза. Но не дождалась ответа, стала объяснять, что такое неправильная дробь и что, если взять единицу, поделить ее на десятичную дробь, которая меньше единицы, – например одну сотенную, тогда в итоге получится цифра, равная ста; а если не брать одну сотенную, а даже одну десятую, то ответ все равно будет больше единицы.

Коля, слушая ее, расслабился, подпер подбородок рукой и улыбался, как блаженный дурачок.

– Tu es une charmante petite épine², – проронил он с печальным вздохом. – Ты такая чудная. Неужели тебе это кажется забавным? Пройдет год, два, три, и ты будешь сама над собой смеяться.

– Два ноль в мою пользу, – парировала она невозмутимо. – Я опять заставила тебя сесть в лужу, а ты и этого не заметил. Какую глубокую мысль вложил Толстой в этот афоризм, но для тебя он скрыт.

– Я безнадежен, – фыркнул Коля.

– Если ты будешь меньше о себе воображать, то сразу станешь больше единицы – вот что хотел сказать Толстой, – разозлилась Майка.

Коля продолжал смотреть на нее, как на говорящий цветок, не стараясь вникнуть в витиеватость ее математических умозаключений. Вдруг его рот дернулся в странной улыбке, он перегнулся через стол и схватил ее за рукав.

– Давай убежим отсюда?

Майка не сразу осознала, что произошло. Медленно она выровнялась и перевела недоуменный взгляд на пальцы Коли, уставившись на них так, будто глядела на дохлую мышь. Мальчик не убирал руки, растянулся животом по всему столу и выжидающе глядел. Майка медленно вытянула свой рукав из цепких пальцев Коли. Заметив, что она собирается отдернуть руку, он попытался ее не пустить, но девочка оказалась проворней.

– Куда убежим? – спросила она так, словно ее нисколько не возмутила выходка мальчика, а очень даже заинтересовала.

– В Ленинград, – неуверенно ответил Коля, не ожидавший такого скорого согласия.

– Ты хочешь бросить школу? – серьезно, без тени упрека, спросила Майка.

– Школу, семью, Москву и вообще Советский Союз! – вырвалось у Коли, он все еще продолжал протягивать свою руку Майке через весь стол, а она – смотреть на его пальцы как на дохлую мышь, не то чтобы брезгливо, а как дитя – с любопытством.

– Ленинград пока еще в составе Советского Союза, – молвила она так же серьезно, переводя взгляд с руки Коли на его лицо.

– Майка, ты... – начал было он и откинулся на свой стул, схватил опять химический карандаш и зло перечеркнул систему уравнений. – Мне здесь нельзя оставаться. Это все меня убивает, медленно по крупице. Ты себе и представить не можешь, в какой капкан я угодил!

– Послушай, нет никакого капкана.

– Я задыхаюсь! – продолжал он черкать по тетради.

– Ты просто драматизируешь. Ну что тебе стоит перестать упрячиться и хоть раз напрячь мозги? Сейчас бы уже поступал в свою консерваторию. А ты – что? – дурью маешься. Математика – не такая уж и сложная, я ее всего-то три года учу, а до десяти лет в детдоме, стыдно признаться, не знала, как геометрические фигуры называются. Сейчас к университетской программе перешла. А там, между прочим, чистая арифметика и сотни разных условий вроде факториала нуля...

– Майка! – отчаянно вскрикнул он, перестав кривляться и отбросив карандаш. – Ну услышь меня хоть ты! Какой к чертям факториал, когда...

² Ты – очаровательная маленькая колючка (фр.).

Раздался звонок, в передней кто-то принялся топтаться и бубнить – как это обычно бывает, когда приходят гости. Коля схватился за карандаш и навис над тетрадью, делая вид, что размышляет над перечеркнутым примером.

Через какое-то время хлопнула дверь, и в гостиную влетела запыхавшаяся старшая сестра Коли – Лиза, студентка живописного факультета ВХУТЕИНа, который располагался недалеко от Майкиного дома на Мясницкой. Живая, высокая и непоседливая девушка с короткими смолляными кудряшками и серыми лисьими глазками, в модном светлом пальто и причудливой шляпке, которую сшила сама из меха, перьев и отреза белого драпа. Брат с сестрой совершенно были не похожи ни внешне, ни по характеру. Коля обычно молчаливый и спокойный, а Лиза всегда шумная, говорливая и даже как будто с приветом, впрочем, как и все, наверное, художники.

Какими-то дергаными, драматичными движениями она начала расстегивать пальто, плюхнулась в кресло, уронив локоть на подлокотник, принялась развязывать узел шейного платка лилово-бирюзового цвета в огурцах. Майка с любопытством разглядывала ее шляпку, похожую на диковинную африканскую птичку, Коля смотрел на сестру исподлобья обиженным взглядом волчонка. Только иногда она приходила провести семью, училась в институте и жила в общежитии, самостоятельно, одна, на стипендию. Об этом Коля всегда рассказывал с вожделением и завистью. В последнее время ему что-то не сиделось дома, он мечтал поскорее поступить в консерваторию или убежать куда-нибудь.

– Ах, Коля! – сказала она наконец. – Ну спроси меня, почему я такая счастливая?

– Ну и почему? – угрюмо спросил тот, надувшись, как индюк.

– Я выхожу замуж! – выдохнула Лиза и одним махом сорвала с себя шляпку, ловко зашвырнув ее на патефон. Та приземлилась прямо на крышку.

– Опять, что ли? Папа не разрешил же в прошлый раз.

– А ну и черт с ним! Мы с Лёней будем как Ромео и Джульетта – поженимся и выпьем вместе яду. И все нам будет нипо-чем! Да... и собираемся венчаться в церкви, настоящей! Маман знает. Только не говори никому, – она внезапно перевела взгляд на Майку, посмотрела на нее с удивлением и настороженностью. – Ты тоже не говори, ладно?

Майка кивнула. А Лиза, сорвав с себя и пальто, оставшись в светлом платье с короткой юбкой, которая болталась по последней моде чуть ниже бедер, бросилась к окну, раздвинула по сторонам занавески и принялась его открывать. Но рама не поддавалась сразу. Девушка сражалась с ней довольно долго, дергая так и эдак за ручку, пока не распахнула створки с облегченным вздохом: «Все!»

Внезапно она забралась на подоконник с ногами, обутыми в сапожки, и прокричала вниз:

– Было то в темных Карпатах, было в Богемии дальней... Впрочем, прости... мне немного жутко и холодно стало...

Майка сделала недоуменное лицо, очень выразительно хлопнула глазами, посмотрев на Колю, а потом стрельнув взглядом на раскрытое окно, в которое сразу же ворвался поток холодного осеннего воздуха, мгновенно охладившего комнату.

– Лиза, не надо, – Колины глаза расширились, он даже привстал. – Спустись, дуреха.

Та спрыгнула на ковер, повернулась к ним, сев на подоконник.

– Верь, друг мой, сказкам: я привык вникать в чудесный их язык и постигать в обрывках слов туманный ход иных миров... – декламировала она Блока.

В передней вновь хлопнула дверь. Лиза быстро соскользнула с подоконника и судорожно стала закрывать окно. В гостиную заглянула их мать.

– Фу-ух, мама, напугала до чертиков. Я-то думала!

Высокая статная блондинка в черном шелковом кимоно с такими широкими рукавами, что из них можно было пошить парашют или даже два, насупленно оглядела комнату. Короткие, до ушей, волосы были уложены блестящими волнами, над губой родинка, и щеки такие

же округлые, как у Коли. Вместе с ней в гостиную ворвался аромат табачного дыма и каких-то невероятно волшебных, терпких духов. Коля говорил, что она душится герленовским «Фоль арома», который невозможно достать.

– Ники, – проронила она томно, – вы долго еще? Лиза, почему в обуви? Иди, сними сейчас же сапоги. Вы окна открывали?

Потом посмотрела на Майку и с натянутой улыбкой сказала:

– Майя, за тобой мама пришла.

Ну вот, не успели решить пример, все из-за Лизы – действительно дуреха, но смешная такая, всегда что-то отчебучивает. Что-то Ася рановато. Еще с полчаса оставалось.

Лиза подхватила свои шляпку и пальто и выпорхнула за дверь, вальсируя и напевая что-то из «Травиаты». Из дальней комнаты донесся ее странный, почти демонический хохот. Коля прицокнул языком, покачав головой, мол, ну что с нее взять, навис над тетрадью, делая вид, что страшно озабочен примером. Вдавливая носик карандаша в бумагу, он изобразил под зачеркнутыми уравнениями фигурную скобку для следующей системы.

– Повеситься можно, – прошептал он капризно и как бы самому себе. – Прямо вот на этой скобке. На виселицу похожа.

Вошла Ася в скромном твидовом жакете и клетчатой в мелкую складку юбке до колен, держа в руках сумочку, маленький букетик флоксов и снятую с головы косынку. Волосы ее, убранные назад в узел, чуть разметались, щеки разругались с улицы. От нее пахло живыми цветами и осенней свежестью. По сравнению с Колиной мамой Ася выглядела старшеклассницей, выбежавшей на перемену в школьный сад. Даже Лиза и та казалась взрослее в своей птичьей шляпке. Не выходило у Майки относиться к двадцатитрехлетней мачехе как ко взрослой, для нее Ася была сестрицей, с которой можно обсудить все на свете, особо не церемонясь.

– Ну здравствуйте, товарищи ученые-математики, – весело воскликнула Ася, подходя к столу и заглядывая Коле в тетрадку. – Как далеко продвинулись?

Коля стыдливо накрыл ладонями тетрадный лист, где под перечеркнутыми примерами успел сделать набросок виселицы и повесившегося на ней человечка.

– Дальше просто некуда, – отозвался он с сияющей от уха до уха улыбкой. Щеки вспыхнули. – Дальше – только смерть.

Ася со вздохом взъерошила его светлые кудряшки.

– Ну раз так все сложно, пора и отдых знать. Идем, Майя, сегодня у нас... не забыла? Концерт! Первый симфонический ансамбль Моссовета... А мне еще к соседке вашей, что сверху, над вами, – Ася опять потрепала Колю по голове и указала пальцем наверх, – заскочить надо. Сына ее, говорят, кирпичом по голове огрели и помирать бросили, да еще обвиняют в общественных беспорядках.

– Это кого огрели? – изумилась Майка. – Мишку Цингера? И в чем обвиняют?

– В общественных беспорядках, – вздохнула Ася, убирая со лба растрепанные прядки. – Но тут новые улики сыскались, перед судом надо все разузнать, все по полочкам расставить, а то как бы мальчика не засудили почем зря. Он ведь единственный взрослый мужчина в семье, в девятый класс не пошел, на мыловаренный завод устроился. Если осудят, что тогда?

Пока Ася говорила, по своему обыкновению звонко, будто на собрании учкома, Майя не отрываясь глядела на потемневшее лицо Коли. Под ее тяжелым, вопрошающим взглядом он повел себя весьма странно, вскочил, забежал по комнате, зачем-то схватился за свою виолончель.

– Я забыл совсем, мне тут... мне срочно надо сегодня Шуберта... – пробормотал он взволнованно.

Коля был неплохим артистом и, если надо, мог сыграть и смерть на дуэли, и восторженное признание в любви. Но вот сильных эмоций скрывать не умел. Когда ему впервые двойку в

четверти вlepили, расплакался, как девчонка. Так что Майка знала, если забегал, значит, было отчего.

– А когда же его ударили? – спросила она, не отрывая от Коли строгого взгляда.

Тот лишь пожал плечами, вместе с виолончелью отступая назад.

– Мишка ведь твой бывший одноклассник! И ты не знаешь, что с ним стряслось? Это как так? Рассказывай давай!

– Не знаю, – Коля двинул бровями, а глядел вниз.

– Не поинтересовался здоровьем товарища?

– Майка, ну что ты наступаешь? – перебила ее Ася, мягко улыбаясь. – Коля мог и не знать. Он занят, у него Шуберт. Идем, не будем ему мешать.

– Как же! – Майка выросла над столом, прекрасно зная, что у Коли нет сегодня никакого Шуберта, музыкальная школа у него послезавтра. – В классе были неразлейвода, а как Мишка ушел на фабрику – все, чужие люди. Интеллигенция, значит, отдельно, рабочий, трудовой класс – отдельно? А революция была зачем?! Идем вместе с нами, проведем Мишку. Три года на одной сцене вот так стояли, стихи читали, целясь друг в друга из бутафорских пистолетов.

Схватив портфель, она поспешно вложила в него учебники, справочники и тетради и направилась к двери.

– Идем-идем, – бросила она за спину, обращаясь к Коле. Тот тяжело вздохнул и нехотя отложил виолончель к стене.

В квартире над Колей жило многочисленное венгерское семейство по фамилии Цингер, принявшее русское подданство еще в 1917-м. Мишка на самом деле носил сложное и невыговариваемое венгерское имя Михэли. Но все его величали просто Мишей или Мишкой. Отец его был из бывших военнопленных, содержался в лагере под Никольско-Уссурийском, после революции зачислился в ряды Красной армии, хорошо говорил по-русски, вступил в агитационную комиссию, служил заведующим инженерной частью 1-го Хабаровского интернационального отряда и сражался на уссурийском фронте с интервентами и белогвардейцами. Как участник Народно-революционной армии Дальневосточной республики по окончании войны отправился с семьей в Москву на курсы красных командиров в интернациональную школу, получил жилище в тогда еще окраинном Баумановском районе, но умер от застарелого ранения. В доме № 13, в котором проживал Коля, поначалу все были из Интернациональной социал-демократической организации иностранных пролетариев и участниками НРА ДВР. Но время шло, Москва быстро расширялась, жильцы съезжали, их квартиры занимали другие. Семья Мишки Цингера была последней из мадьяр³.

На звонок открыла тетя Бела, кутающаяся в цветастый платок, – невысокая темноволосая женщина с сухим желтым лицом и черными пронизательными глазами. Миша был очень на нее похож и благодаря своей венгерской внешности всегда играл черкесов или кавказцев в школьных постановках по Лермонтову. Его статной фигуре, смуглому лицу и черным волосам очень шли красная приталенная черкеска и заломленная на затылок черная папаха. Он был старше Коли на два года – позже пошел в школу, всегда держался с холодной отстраненностью, потому что был не русским и чувствовал себя в классе чужим, но все девочки, каких Майка знала, тайно вздыхали по его колючему взгляду и темной полоске усиков над верхней губой.

– Здравствуйте, Бела Германовна, – чуть дрожащим от волнения голосом обратилась к хозяйке Ася. Коля, неожиданно побледневший, с поникшей головой незаметно шагнул за ее спину. Майка искоса наблюдала за мальчиком, который выглядел, как нашкодивший ребенок или пойманный партизан, и нервничал. Она никак не могла понять – почему. Заломил назад руки, стиснул до побеления в костяшках пальцы, а голову держал опущенной и все прятался за

³ Мадьярами называли венгров.

Асей, чтобы его тетя Бела не видела. Но та лишь скользнула коротким равнодушным взглядом по лицу Коли и никаких претензий вроде не собиралась ему предъявлять. Отчего же он так боится?

– Я к вам по поручению из Института Сербского пришла, – продолжила Ася. – Хотела спросить, как себя чувствует Михэли и приходил ли кто составлять психиатрическую экспертизу?

– Приходили, – сухо ответила венгерка.

– Вышло так, что дело принимает другой оборот и требуется провести переосвидетельствование. Вы не расскажете, что у вас здесь такое происходит? – доброжелательно улыбалась Ася, подавшись вперед.

– Происходит то, что у честных рабочих людей, героев войны, незаконно отнимают квартиры! Впутывают в провокации, клеветают и принуждают ко лжи!

Ася перестала улыбаться, лицо ее посерьезнело. Женщина отступила в сторону, пропуская гостей в переднюю, которая заметно отличалась от Колиной. Обветшалые обои, ни половичка на паркете, ни вешалки, заброшенной верхней одеждой. Старая шинель Мишки и целый ворох штопанных детских пальтишек строго по-армейски висели на забитых в ряд гвоздях, под ними – обшитый железом сундук.

– Эта вражда со старыми жильцами началась еще в конце 22-го, когда из Рязани прибыла семья доктора Бейлинсона.

Резким пренебрежительным движением подбородка тетя Бела указала на Колю, а тот молча проглотил шпильку, сделав вид, что не услышал. Следом указала рукой на дверь, за которой лежал ее сын, и все трое вошли в небольшую комнату с крепким запахом карболки и каких-то мазей.

На окне простенькие льняные занавески с вышивкой, в одном углу письменный стол – странно пустой без книжек и учебников, рядом узкая детская кроватка, а в другом углу – вторая кровать, железная, на которой спиной к ним, укутавшись в одеяло, лежал кто-то с перевязанной головой. Майка не узнавала Мишку из-за шлема из бинтов, пока он не стал медленно оборачиваться и вставать на шум.

Его осунувшееся, пожелтевшее лицо с темными кругами под глазами стало каким-то злым и хищным. Он поочередно посмотрел на мать, Майю, Асю, которая прижала руки к щекам и ахнула, а следом остановил взгляд на Коле. Тот едва зашел, встал на пороге и опять трусливо спрятался за Асей, но Мишка как будто стремился его хорошенько разглядеть и даже вытянул шею, скривившись от боли и накатившей тошноты.

Мать его бросилась к жестяному тазу, что стоял под кроватью, поспешно подала, сын сжал зубы, отстранился, хрипло выдавив по-русски:

– Не надо, мама. Чего опять хотят?

– Переосвидетельствование, – поспешно объяснила она, – хотят сделать. Эта молодая женщина из ИСПЭ. Может, все теперь наладится? Женщина ведь всегда выслушает, правильно поймет.

Мать Мишки обернулась к Асе и, смягчившись, обратилась к ней:

– Год за годом у нас отнимают жилье. И все это рязанские бандиты! Это они разжигают контрреволюционные скандалы, кричат, мол, бей жидов и коммунистов, раньше был Николай, а сейчас Рыков, мы все равно всех перекокошим. А потом находятся откуда ни возьмись свидетели из соседей, из простых и честных людей, что это, мол, мы – мадьяры – кричим и всех на вилы поднять собираемся. Был у нас сосед, жил в квартире напротив, его почти насмерть железным прутом забили, обвинив в троцкизме, а ведь тоже с уссурийского фронта. Весь дом якобы видел, что он в гуще драки налево и направо кулаки разбрасывал, защищая Троцкого. А дело было совсем иначе. К нему один из рязанских христосоваться лез – на Пасху это было года два назад, сосед отказал, так тот его сразу бить начал. Рязанский губпрокурору заявле-

ние написал, все там наврал, извратил, трех человек свидетелями привел. В протоколе нарследа вообще было написано, что мадьяры нашли отклик в троцкистской оппозиции. И это со слов кого-то проходящего мимо. Свидетели! Одни только что-то слышали в окно, другие мимо проходили. И разве супротив них что можно сказать? А обвиненный, вот как мой Михэли, в окровавленных бинтах ответ за себя держал в суде, от удара едва языком ворочал. Семью выселили, а ему самому два года исправительных работ дали, он и умер от обиды и отчаяния на другой день после суда. Таких случаев я четыре или пять насчитаю в нашем доме и в нескольких соседних. Драка, скандал, постановление на выселение. Толку что-то доказывать? Нас не слышат, мы призраки. Мы для них больше не герои революции, а бывшие военнопленные.

– Что это за рязанские бандиты такие? – спросила Майка, собрав на лбу морщину. – Вы их в лицо знаете? Опознать сможете?

Мать Мишки девочку хорошо знала, ее взрослости и прямолинейности она не удивилась.

– Был такой один студент из бывших зажиточных крестьян. Бандит страшный, все любил повторять слова Луначарского, что он-де тот тип хулигана, который полезен революции. Сейчас уже остепенился – председатель союза жилищного товарищества Баумановского района, отрастил усы, как у Сталина, – никто про него не скажет, что убийца. В квартире соседа живет. Убил и живет себе так, словно ничего не случилось.

– На Мишку он напал? – сузила глаза Майка.

– Нет, какие-то другие. Там в общей свалке и из нашего дома, говорят, кто-то был, много с фабрики, грузчики с вокзалов – как раз расходились по домам. Михэли ничего не помнит: ни с чего все началось, ни как его ударили, ни кто. Всю ночь пролежал во дворе с проломленной головой, утром баба Дося, дворничиха наша, обнаружила. Еще бы чуть-чуть... – она скривилась, спрятав лицо в свисающий конец своего цветастого платка. – И не стало бы моего старшего сына. Что я буду делать одна с пятью маленькими?

Тут произошло совершенно неожиданное.

Мишка, все это время сидевший молча, вцепившись нервными пальцами в край постели, застонал, потом зарычал и, извернувшись, как человек, пытающийся прорвать блокаду на пути, бросился к дверям. Там стоял Коля.

И Майка не сразу поняла, что Мишка целился в него. Вцепился в красный галстук одной рукой, другой с силой дал ему в живот, отчего Коля согнулся пополам и начал заваливаться в переднюю. Ася взвизгнула, мать Мишки быстро сообразила оттянуть сына.

Тот вцепился мертвой хваткой в галстук бывшего одноклассника и дергал его из стороны в сторону, впрочем, слабея и не нанося тому никаких новых ударов, а тихо и утробно рыча:

– Предатель, предатель, предатель...

Ася пришла на помощь матери Мишки, и обе женщины оттащили мальчика к кровати. Он плюхнулся на постель, зажал обеими руками рот и едва успел нагнуться к жестяному тазу, как его стало выворачивать наизнанку.

– Михэли, да что ты? Что ты делаешь? – причитала мать, придерживая таз и сына за плечо. – Что о тебе подумают... из Института судебной экспертизы... что же теперь о тебе скажут?.. Ну как ты мог!

Коля почти сразу же дернул на лестничную площадку. Майка бросила короткий взгляд на Асю, не знавшую, с какой стороны начать оказывать помощь, и поспешила за Колей.

Тот сбежал на первый этаж и, прислонившись спиной к стене, закрыл лицо руками.

– Вот знала же, что-то такое ты скрываешь, – злобно прошипела Майка, встав к нему вплотную и уперев руки в бока. – Почему он предателем тебя зовет? Ты это его кирпичом, что ли, огрел?

Коля медленно опустил руки, и Майка увидела его белое лицо со стиснутыми губами.

– Ненавидь меня и презирай! – беззвучно произнес он. – Но да. Это я его ударил. Я!

– За что? За контрреволюционные высказывания?

– Ни за что. Он не выкрикивал никаких контрреволюционных слов и вообще просто мимо проходил...

Несколько долгих секунд Майка гипнотизировала мальчика напряженным взглядом.

– Не ожидала от тебя такого, – вымолвила наконец она.

– Я тебе сказать пытался... Ты же со своими уравнениями... Я повинюсь! – он было протянул ей ладонь, будто хотел мириться, но Майка отшатнулась назад, скрестив руки, посмотрела на протянутые пальцы с гримасой презрения.

– Еще как повинисься!

– Не суди, прежде не... Его все равно стукнули бы! Еще хуже – калекой бы сделали, убили. Я специально его не сильно. Видишь – он ведь в сознании, все помнит. Я повинюсь! Вот сейчас соберусь с духом и пойду у него и его матери прощения просить...

– Никогда бы не подумала, что услышу от тебя такие слова, – ужаснулась Майка. – Ты что? В банду вступил?

– Нет! Меня туда насильно втянули, шантажом. Отца и мать зарезать грозились.

– Почему они выбрали тебя? – риторически заметила Майка, невольно представляя незримую банду в виде кучки пиратов, в которой один одноногий, другой однорукий, третий одноглазый – и все в черных треуголках, грязных тельняшках и ухмыляются, оскалив беззубые пасти, как в книжке Чуковского про Бармалея. – Кажется, я начинаю понимать. Тебе всё отказывали из-за неуда по математике в комсомольском значке. Тебе сколько? Шестнадцать когда будет, в декабре? Два года в пионерах ходишь, вот и покатылся по наклонной.

– Майка! – он чуть ли не плача простер к ней руки. – Ну правда, я не хотел, меня заставляют.

– Кто?

– Не могу сказать. У них такие страшные люди есть – подойдет такой, стукнет под ребра, ты ничего и не заметишь, а домой придешь – мертвым повалишься.

– Дудки! Такого не бывает... – начала было Майка, но осеклась, вспомнив, как ей отец рассказывал про смертельный удар в средостение, от которого может остановиться сердце.

– Бывает! – его лицо исказилось, он зажмурился. – С одним недовольным вот так и разделались прямо на моих глазах.

Майка нахмурилась, чуть придвинулась к подъездной двери, открыла, посмотрела наружу, потом глянула вверх на лестничные пролеты.

– Ну ты и олух, – прошипела она, – орешь на весь подъезд о таких вещах. Если тебя шантажируют, пойдем к дядь Леше, он в губсуде старший следователь, все ему расскажешь. Они вмиг повяжут всю твою банду.

Коля уже тогда начал махать головой из стороны в сторону, когда Майка произнесла имя следователя.

– Нет, нет, нельзя.

– Ты как маленький Пип, которого каторжный посадил на надгробный камень.

– Давай удерем? Лизка удирает, я тоже хочу! Ты и я. Если надо – я и жениться готов! И Мишку заберем. Ну давай уедем... в Венгрию? Там Карпаты! Вот с Цингерами и уедем в горы. Их все равно выселят. К его матери уже дважды приходили, я сам видел... По правде сказать, меня потому и замели, что я слишком много видел и слышал.

– Замели, – повторила Майка, усмехнувшись. – Ты и разговаривать стал, как уголовник. А ты ведь, Коля, музыкант, воздушная натура, божий одуванчик.

– Божий одуванчик – так про стариков говорят.

– А я про тебя, потому что ты – одуванчик. Ну посмотри на себя, какой из тебя бандит? Ты что? До смерти будешь доводить, играя для жертвы на виолончели?

– Не смешно, Майка.

– Идем к отцу, он сам потом все следователю передаст.

– Нет, – его затрясло, – я твоего отца тоже боюсь... он же гипнотизер!

Тут раздались голоса сверху: вышла на лестничную площадку Ася, тихим, приятным голосом уверяя в чем-то плачущую мать Мишки. Сверху их голоса казались приглушенными и почти нельзя было разобрать слов. Потом она зашагала по каменным ступеням, и Коля, как загнанный зверь, втянул меж сжатыми зубами воздух, сильно приложившись затылком о стену.

– Эй, тише, ты чего, – цыкнула на него Майка.

– Я все продумал, убегу сегодня из дому.

– Тебе одному нельзя, пропадешь.

– Пустяк! Ты меня не сдавай. Дашь слово?

– Еще чего.

– Ты – маленькая, не понимаешь, – горестно вздохнул он, – в этом мире, где все живут не свою жизнь, мы скоро станем бездушными, слепыми автоматами. Это пионерство, комсомол – все это бессмыслица, шелуха, которой хорошо прикрыта продажность, лживость и еще что похуже. Это все равно что расставить по дому ангелов, как сделала моя мать, чтобы про нас думали, что мы хорошие люди. Если бы ты знала то же, что я, ты бы... – Он сглотнул, прежде чем произнести: – Сорвала бы с себя галстук, растоптала его и плюнула на него и опять бы растоптала. Потому что это... это... петля! Маленькая ты, не понимаешь. Все тебя обманывают. Все!

И, прежде чем на ступеньках последнего пролета показалась Ася, Коля бросился по лестнице вверх, пронесся мимо нее вихрем и застучал подошвами ботинок к своей квартире. Наверху громко хлопнула дверь.

– Что это он?

– Ася, Мишка что-нибудь тебе сказал?

Та медленно покачала головой.

– Молчит, партизан. Надо разобраться. Он, может, совершенно случайно обвиненным оказался.

Майка вспомнила, как Коля говорил, что семью Цингеров собираются выселять. Интересно, кто такое замыслил? И как это возможно, просто взять и кого-то выселить из его квартиры?

Домой она шла, пытаясь осмыслить происшествие в доме на Баумановской. Колины слова о галстuke ее сильно взволновали. В трамвае она все гладила узел у шеи, в конце концов решив, что Коля возненавидел весь свет и пионерство из-за своей принципиальности в нежелании понять математику.

Глава 3

Следствие ведет судебный химик

Ася крутила в пальцах ручку, никак не могла сосредоточиться на лекции, которую читала обожаемая ею Фанни Давидовна Вульф. Молодая, легкая, целеустремленная жена профессора Абрикосова чертила на доске мелом схемы выявления азотнокислого стрихнина из печени по способу Драгендорфа. Но ее ученые слова словно тонули в каком-то вакууме. Весь вчерашний вечер и сегодняшнее утро Ася, не переставая, думала только о несчастном, оклеветанном Михэли и его матери, ожидающей суда. Прочитав протоколы и акты по их делу, которые принес в четверг после лекций Кости старший следователь Леша Фролов, содержали такие неточности и пустоты, что без явных доказательств невиновности мальчика суд мог кончиться его осуждением. Плохо было и то, что неделей раньше Михэли стукнуло восемнадцать, а значит, он больше не был несовершеннолетним и наказание ему могли вынести самое суровое.

– Итак, – говорила тем временем преподавательница, стирая с доски изображения пробирок и колб с мерными делениями, – также можно произвести опыты на мышах, если нет под рукой необходимых реактивов. Надеюсь, никто из вас не боится мышей.

Фанни Давидовна была для Аси идеалом советской женщины. Будучи всего лишь на десять лет старше ее, уже заведовала патологоанатомическим отделением 5-й Советской клинической больницы, а с этого года вела часы по судебной медицине на кафедре паталогической анатомии 2-го МГУ. Рождение сына в июне нисколько не помешало ей вернуться к научной и преподавательской деятельности. Краткий курс судебной медицины в ее исполнении был настоящей поэзией, все слушали, затаив дыхание.

– Да их вывели поди всех! – крикнул кто-то из студентов. Другой бросил шутку про героя из самиздатной книжки, Ася не расслышала, но вся аудитория дружно загоготала. Фанни Давидовна дала студентам несколько минут излить веселье, а следом хлопнула в ладоши, и все послушно затихли.

– Ну достанет смеяться. Записываем следующую тему: «Отравление этиловым спиртом», – и повернулась к доске, чтобы написать мелом.

Ася встрепенулась! Ну конечно – проба крови на наличие алкоголя! Никто такой не проводил. И опять сникла, грустно уронив подбородок на ладонь. Пробу крови брали у потерпевшего, ничего у него не найдя. Михэли же провел в обмороке на улице всю ночь, а освидетельствование его проводили спустя сутки. И почему-то пробы брать не стали.

Фанни Давидовна рассказывала об острых смертельных отравлениях, о свойствах винного спирта, поведала историю про извозчиков, которые пили, не зная меры, краденный из бочки коньяк, что везли, и которых насилу вернули к жизни; про больного дипсоманией, который с оружием спасался в квартире соседа от воображаемого палача, все у него переколотив, и множество разных других интересных случаев.

Ася слушала с напряженным ожиданием, когда же Фанни Давидовна перейдет к каким-нибудь существенным вещам, например к количественному анализу, определению алкоголя в крови. И та не заставила себя ждать, по полочкам, досконально разложила опыты Греана, Никлу и Швейсенгеймера. Почти не дыша, Ася судорожно конспектировала, быстро-быстро перенося взгляд с доски к тетради, от тетради к лектору и обратно к тетради, боясь упустить какую-нибудь важную деталь. Ручка летала по тетрадным листам скорее, чем у стенографисток, пальцы стали горячими, Ася покраснела и искусала губы. Но теперь у нее в руках было настоящее оружие против злоумышленников, теперь-то она поставит обидчиков венгерского мальчика на место. Вот что значит наука, вот что происходит, когда вооружен знанием. Да

здравствует Ленин, который заповедовал учиться, учиться и еще раз учиться, да здравствует Советский Союз и комсомол. Правда восторжествует!

Едва пара кончилась, Ася быстро сгребла тетради и книги в сумку и, накинув на плечи жакет, повернулась к подружке.

– Сегодня не смогу остаться на лабораторную работу, – проговорила она торопливо. – Скажешь Павлу Ивановичу, что у меня живот разболелся?

– Хорошо, – улыбнулась та. – Опять к своему ненаглядному профессору в ИСПЭ сбегашь? Вон как губы горят!

– Он мне законный муж, а еще научный руководитель моей будущей дипломной, так что не делай такого лица, – хихикнула Ася, нагнувшись к ее уху. – А губы горят, потому что тут жарко.

– Жарко, как же! И как тебе удалось его заарканить, весь поток диву дается. Говорят, у него нет сердца.

– Неправда, Костик – душка, – Ася вдела руки в рукава жакета и стала застегиваться. – Он очень добрый.

Подруга скривилась, покраснев.

– Это все равно что Цербера назвать Мосечкой.

Ася опять хихикнула, но, не ответив, устремила вниз меж партами и скамьями, расположенными, как в амфитеатре, невысокими уступами, уходящими от кафедры вверх.

Если бы она внимательней слушала преподавательницу и не улетала периодически в мыслях в будущее, где с торжеством разоблачала негодяя, то поняла бы, что даже у неалкоголиков этиловый спирт полностью выветривается из крови через пятнадцать часов. Но Ася очень хотела помочь Михэли избежать несправедливого суда и уже мчалась в Институт Сербского, чтобы добыть пару шприцов в патологоанатомической лаборатории.

Она собиралась взять кровь и у обвиненного мальчика, и у того, кто подал на него обвинительное заявление, запомнив его имя, фамилию и даже адрес, когда читала дело.

Муж был на вскрытии, и Ася, крадучись, пробралась в процедурную. Застав там старшую медсестру, замешкалась было, замерев на пороге.

Она совершенно не умела лгать. Такой уж ее воспитал отец Михаил, приглашенный покойной матерью домашним учителем в пору, когда Ася росла в провинциальном городе Череповецкой губернии. Но она знала, что, если сделать серьезное лицо (у Майки всегда выходило это особенно ловко), можно быть вполне убедительной.

Поздоровавшись с Ярусовой, Ася строго свела брови и заявила, что для проведения химического анализа подозреваемого и потерпевшего необходимы два прокипяченных шприца. Старшая медсестра не видела причины отказывать супруге своего начальника, тотчас выдав той две жестяные коробочки, однако попросив расписаться в журнале в их получении на руки.

– Прошу, уж верните, не разбейте, – ласково попросила Ярусова. – Медицинские инструменты выписать не так-то нынче просто. Комиссии из Наркомфина истерзали совсем.

– Верну, будьте покойны, в целости и сохранности, – ответила Ася и направилась из процедурной, сохраняя шаг бодрым и уверенным. Но, едва вышла в коридор, понеслась по нему, как девчонка, каблучки предательски громко отбивали оглушительную барабанную дробь, звук отскакивал от пустых стен и удваивался, утраивался и летел далеко в другие помещения. Она боялась встретить Костю, он наверняка спросит, зачем ей эти жестяные коробочки со шприцами. А ей хотелось успеть сделать важное дело самой, без его опеки и помощи.

Перво-наперво она отправилась к Михэли. И, получив от его матери горячие заверения в том, что мальчик никогда не пробовал ничего крепче кумыса, наполнила первый шприц кровью. Благодаря вечернему курсу сестринского дела, который прошла в прошлом году, Ася легко попадала в любую вену.

Бесстрашие ее чуть пошатнулось, когда она вновь вышла на Баумановскую. Был полдень, и ярко, совершенно не по-осеннему, а как-то по-майски, светило солнце – даже припекало. Ася почувствовала, как от волнения пылает спина под твидовым жакетом. Она отерла пот со лба и, сжав в пальцах жестяные коробочки со шприцами, подтянула к локтю сумочку и повернула к дому № 56/17, что возвышался на углу с Аптекарской длинной трехэтажной коробкой, построенной еще до Октября. Потерпевший проживал в квартире на первом этаже с матерью и отчимом – некий Кисель Никанор Валентинович двадцати двух лет от роду, студент Госинфизкульта.

Дверь открыл он сам. День был субботний, и, возможно, у него кончались все пары, а, может, он тоже, как сама Ася, отлынивал от учебы. Но Ася сбежала с практического занятия, имея благородную цель. А какое намерение имел этот рыжий, как кот, здоровый, широкоплечий детина, одетый в модную теперь тельняшку, брюки-клеш и матросский бушлат внакидку, – неизвестно. Он шкафом возвышался над хрупкой, невысокого росточка Асей, лицо, усыпанное светлыми веснушками, умом не блистало, брови нависали над глазами с тяжелым туповатым взглядом. Он смотрел на пришлицу, что-то по-коровьи жуя, квадратный подбородок поднимался и опускался, двигался вправо-влево, губы жирно блестели – видимо, ее визит прервал обеденную трапезу, хотя одет он был не по-домашнему, будто только откуда-то вернулся.

Ася смотрела на него снизу вверх, молчала, не зная, с чего начать. Такой, пожалуй, мог огреть по голове любого, а Михэли был если не ниже, то уступал в весе. Внезапно Никанор Кисель открыл рот и угрюмо спросил:

– Зачем пожаловали?

Пахнуло алкогольным духом. Хорош спортсмен – два часа дня, а уже готов. Ася встревожилась: если сразу сообщить, что она пришла сделать алкогольную пробу, он погонит ее прочь. Сообразив, что лучше сказать об этом потом, она сделала серьезное лицо, убрала волосы за ухо и манерно, строго, как школьная учительница, заявила:

– По делу Цингера Михэли появились новые улики. И в связи с этим требуется переосвидетельствование. Для суда будут необходимы данные, полученные как можно раньше. Могу я зайти и задать вам несколько вопросов?

Тот слушал ее, продолжая жевать.

– Были ведь уже эксперты.

– Требуется переосвидетельствование, – Ася наклонила голову набок и выразительно посмотрела прямо ему в глаза. Главное, думалось ей, не терять представительного вида. «Смотри прямо, как Фанни Давидовна, поджимай губы, как Цецилия Мироновна», – проносилось в ее голове тревожными птицами.

Внезапно на лице Киселя появилось хитрое выражение, он сбросил свой бушлат на сундук, стоящий в передней, отступил и, улыбаясь, кивком указал в сторону дверей с облупившейся пожелтевшей краской.

Пахнуло какой-то горечью, перекипяченным бульоном, старыми вещами. Ася оказалась в комнате, заваленной разной потрепанной одеждой так густо, что невозможно было разобрать обстановки: низкая тахта, стол, креслице, полы – все было в разновеликих пальто, жакетах, платьях с широкими, расшитыми золотыми и серебряными нитями, юбками, в кружевах, платках, шинелях, куртках, старомодных фраках, цилиндрах, кастрюлях, стоящих башнями у дальней стены, лайковых перчатках, прицепленных на протянутых от стены до стены веревках – так сушили краску на коже.

– Мать торгует на рынке позади дома, – обдал ее Кисель чесночным духом пополам с винным перегаром, подойдя сзади и приобняв за плечи.

Ася не сообразила, что студент лез к ней с приставаниями, что завел он ее в дом, имея дурные намерения. Она шарахнулась от него в сторону, скорее сраженная запахом, чем непристойным прикосновением, и окружающей обстановкой, напоминающей барахолку. Ее изумило

количество вещей всюду. Она пялилась, открыв рот, – ведь по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы предметов массового потребления карались лишением свободы на срок до пяти лет. Хотела об этом ему напомнить, но вовремя спохватилась, сообразив, что этот рыжий жующий шкаф разозлится и выставит ее вон.

Кисель перестал улыбаться, уже поглядывал с подозрением.

Сделав над собой усилие, она перестала пялиться по сторонам, не надо слишком явно выдавать свою заинтересованность, сейчас важно не это. Отложила в сторону шинель на стуле, села на краешек, неловко отложила на край стола жестянки со шприцами, полезла в сумочку за листами бумаги – будет составлять акт по всем правилам.

«1928 год, сентября 22-го дня, судебно-медицинский эксперт, стажер Грених Агния Павловна, 13 часов дня, – написала Ася старательным почерком и приподняла кончик ручки, огорчившись, что у нее нет никаких свидетелей, хотя по правилам это обязательно. Она украдкой глянула на рыжего спортсмена, раскрасневшегося от выпитого, и решила, что выхода нет, в другой день этот человек может и не быть нетрезвым. Решив, что все равно проведет освидетельствование, продолжила твердой рукой составлять акт.

Шкаф в тельняшке все стоял посреди комнаты и жевал, с насмешливым недоумением глядя на Асю, старательно выводившую буквы. Видно, его веселил сконфуженный и нарочитый вид его эксперта – привык видеть строгих военного вида мужчин и седых профессоров. А тут явилась девчушка в юбчонке в складку, с горящими от смущения щеками.

Ася внутренне подавила волнение, выровнялась на стуле, глубже на него сев, вытянула руку – велела Киселю поместиться напротив, за стол, и приступила к вопросам, согласно циркуляру Наркомюста. Не страдали ли его родители какими-нибудь болезнями, не было ли у него в детском возрасте каких-либо отклонений от нормы в поведении и воспитании, проходил ли он военную службу, не было ли судорожных припадков и покушений на самоубийство.

Ася не смогла долго быть строгой. И от вопроса к вопросу становилась все вежливей и ласковей с ним. Кисель перестал видеть в Асе опасность, сначала отвечал с неохотой, а потом все искренней и доверительней, в конце концов заявив, что он прежде никогда ни с кем не делился такими подробностями о своей жизни. Покраснев, он поведал о злющем и грубом отчине, о равнодушии матери. Ася записывала, сочувственно вздыхая, но задавая все новые вопросы, беседа их затянулась.

Она спохватилась только час спустя. Поднялась и мягко, уже не изображая из себя учительницу, сообщила, что необходимо взять кровь для судебно-химического анализа. Быстро, прежде чем тот успел бы возразить, она подняла рукав его тельняшки и перетянула руку выше локтя жгутом.

Некоторое время Кисель взирал на ее действия с кошачьей хитрецей, а когда Ася ввела иглу в вену, нахмурился и с запоздалым недовольством буркнул:

– Ведь брали уже.

– Это переэкспертиза.

– А что она должна показать?

– Что вы говорите правду, – улыбнулась Ася, несказанно довольная тем, что шприц заалел кровью. Чувство было такое, будто она археолог, добывший древний артефакт величайшей важности. Упаковав ценный экземпляр обратно в жестянку, вернулась к опросу и добросовестно закончила акт, на потом оставив только свое заключение.

Выйдя на угол Баумановской и Аптекарской, она вскочила в проезжающий мимо трамвай № 24, из окошка вагона проводив победоносным взглядом длинный трехэтажный дом и уже подсчитывая, какие потребуются смешать реактивы, чтобы выяснить, сколько было алкоголя в крови человека, который ударил бедного венгерского мальчика.

Но когда Ася пересекла на трамваях пол-Москвы и спустилась на углу Кропоткинского переулка, ее начали одолевать сомнения, что наличие алкоголя в крови 22 сентября может быть

убедительным доказательством того, что Кисель был в чем-то виновен 17-го. И она решила, что произведет другой опыт – определит, как быстро улетучится спирт из его крови. Если Кисель часто злоупотребляет, то все его показания можно смело ставить под сомнения. У алкоголиков спирт улетучивается быстро, часов за шесть, у непьющих спирт держится в два или три раза дольше.

Заглянув в патологоанатомическую лабораторию Института Сербского, слава богу, свободного от студентов в субботний день, она, тихо ступая по кафельному полу, пробралась на самую середину помещения и встала у длинного лабораторного стола, плотно уставленного склянками, установками и приборами.

– Ну что ж, – сказала сама себе Ася. – Теперь можно не прятаться. Здесь я дома.

Сняла жакет, помыла руки, зажгла спиртовку и стала собирать перед собой рядок бутылочек и баночек: желтые кристаллы йодоформа, едкий калий, серную кислоту. Потом вынула из сумки тетрадь с лекциями, пролистав до сегодняшней, нахмурила лоб, водя пальцем по прямым линиям строчек с видом кулинару, готовившегося варить конфитюр из земляники. Сходила к шкафу, принесла двуххромовокислый калий, бюретки, пробирки, градуированные склянки и перегонную колбу с длинным горлом.

После длительных колдовских пассов над спиртовкой и колбой, в которую Ася пинцетом по крупнице добавляла двуххромовокислый калий, сопровождая свои действия уютным бормотанием лесной ведуньи, она получила в пробирке с пробой крови Киселя окрас желаемого зеленого цвета. Весь процесс Ася тщательно заносила на листочки, вырванные из тетради, – потом перенесет на беловую в свой протокол. Первый ее опыт показал наличие алкоголя, выпитого сегодня Киселем, и его отсутствие у Михэли.

За то время, пока она колдовала над пробирками и записывала результаты, солнце медленно падало к горизонту, пока не закатилось за город. Ася заметила, что стемнело, только перестав различать строчки, когда заносила результаты второго своего опыта – выведения спирта из крови у спортсмена. Пришлось включить лампы, глянула на часы – ох, уже одиннадцать вечера! Она провела больше восьми часов, выясняя, злоупотребляет ли спиртным мнимый потерпевший!

В эту минуту за дверью, которая оставалась открытой, в дальнем конце коридора раздались голоса, шаги, кто-то спустился по лестнице, прошел мимо лаборатории, а потом быстро вернулся.

– Ты что здесь делаешь?

Ася вздрогнула, оторвав голову от протокола – она как раз завершала его.

На пороге стоял ее муж в своем двубортном сером пальто с поднятым воротником и в шляпе, держа под мышкой какие-то папки, в удивлении переводя взгляд с нее на уставленный бутылками стол, на раскрытый шкаф и непотушенную спиртовку. Из-за его спины выглянула Майка, держа в руках портфель, набитый учебниками, она была тоже одета – темно-бордовое с широкими карманами пальто колокольчиком, вязаная шапка клош, которая неизменно исчезала в портфеле, как только девочка отдалялась от дома на безопасное расстояние.

– Константин Федорович... Ой, Костя... я... – Ася было перепугалась, вскочила и даже назвала мужа по имени-отчеству, как делала когда-то, но вдруг почувствовала себя страшно усталой, вздохнула, уперев руки в край стола и уронив голову. Оказалось, что совсем не осталось сил, чтобы оправдываться и рассказывать все, что она сегодня совершила.

Собрав увесистую пачку бумаг, исписанную ее ровным почерком, она просто протянула их мужу.

Принимая протокол, Грених все еще пребывал в удивлении. По лицу было видно, что за целый день, проведенный в институте, он смертельно устал, проголодался и хочет спать, но все равно снял шляпу, расстегнул пальто и, прислонившись к лабораторному столу, стал читать.

Майка прошла внутрь, со вздохом стянула шапку и плюхнулась на обтянутую синей клеенкой кушетку. Обняв свой туго набитый портфель, она приготовилась терпеливо ждать.

Четверть часа Константин Федорович безотрывно, сосредоточенно читал. Ася, стоя у стола, смотрела то на него, то на рядок пробирок перед собой, заполненных растворами синего, зеленого и красного цветов, оставшимися после проведенных опытов.

– Это, несомненно, большой труд, – проговорил наконец Грених, кашлянув. – Но ты ведь сама понимаешь, что без письменно оформленного разрешения Наркомздрава нельзя делать переэкспертизу. Как ты решилась идти в дом к потерпевшему?

Ася не ответила, подняв на мужа виноватое лицо.

– И сама опросила, одна?

– Да.

– И все это написано полностью с его слов? И про жесткого отчима, и про то, что тот мать бьет? Ничего этого ведь нет в прошлом акте.

– Все-все правда! Он был таким, потому что выпил, стал невнимателен и говорил правду, слова как-то сами слетали у него с языка... Я ему, конечно, немного помогала, отходя от протокольных вопросов, задавала наводящие.

– Какая все же ты у меня... бесстрашная, – вздохнул Грених.

– А что до Наркомздрава, так ведь Леша Фролов сказал тогда, что подаст прошение на переосвидетельствование.

– Но оно же еще не пришло! – мягко возразил Константин Федорович. – У тебя дата стоит 22 сентября, а оно, наверное, в понедельник только готово будет. Кроме того, с этого года действует новый циркуляр – вторичные экспертизы производятся обязательно двумя врачами.

Ася вздохнула, устало присев на стул.

– Все эти опыты, – продолжил он, как-то неловко смущаясь, – они очень любопытны. Но вот определение времени на выведение алкоголя из крови... Тут не хватает еще нескольких проб, взятых раз в час... Но я уверен, что если бы ты могла взять раз в час у него кровь, то непременно это подтвердило бы, что наш друг довольно часто прикладывается к бутылке. Его проверили в прошлый раз слишком поздно, можно было не стараться и не делать этого, но доктор Гладков, видно, неважно учился и не знал, что спирт полностью уходит из крови по прошествии пятнадцати часов.

– Ты хочешь сказать, что все зря? – всхлипнула Ася. – Да и опыты эти проводятся на телах умерших, а не на живых.

– На живых это работает, только несколько иначе... Когда вы проходили их?

– Сегодня на второй и третьей парах у Фанни Давидовны. Отравление этиловым спиртом.

– Фанни Давидовна – хороший педагог, – Грених потер пальцами висок.

– А вдруг сегодня все же пришло письмо из Наркомздрава, просто Леша не успел нам об этом сообщить, – с надеждой подняла голову Ася. – Тогда будет иметь силу мой протокол?

– Без присутствия следователя, без хотя бы одного понятого протокол не имеет силы. Его ни один судья не примет.

– Но там ведь правда!

– Как ты докажешь, что получила у человека эти сведения, не применив силу?

– Но я... – удивилась она, округлив глаза. – Неужели судья не поверит, что я – метр с хвостиком, хрупкая студентка – способна заставить такого бугая, как Кисель, что-то сделать против его воли?

Грених дернул уголок рта в улыбку, продолжая влюбленно и с почти отеческой нежностью смотреть на жену, потом развернулся к столу, взял Асину ручку и расписался под ее заключением: «Образец экспертизы. Работу принял заведующий патологоанатомической лабораторией профессор Грених К. Ф.».

– Я покажу Фролову. Может, получится выдать за дополнительное свидетельство. Но мы все это повторим обязательно, в присутствии свидетелей. И протокол составим по всем правилам. Ты подала интересную идею! – он нежно обнял Асю за плечи, прижал к себе и поцеловал в макушку. – Иди одевайся, поехали домой.

Глава 4, в которой Майка решает применить силу

Шел пятый час пополудни понедельника, когда раздался настойчивый звонок в дверь. Коля сидел один в пустой квартире, расположившись на полу у кровати в своей комнате, бездумно листал ноты. Его снедала горькая и неотвязная мысль, что он слабак и тряпка и бежать ему некуда. Зачем сказал, что повинится, хотя не собирался этого делать? Кто дергал за язык? Стыдно перед Майкой! Теперь надо ведь еще и выпутываться.

Приступом тошноты накрыло воспоминание, как Кисель сгреб за шиворот, потащил в самую гущу драки, как хрипел в самое ухо, обдавая зловонным дыханием: «Не ты, так я его тресну, с удовольствием прибую мадьярского шакала и на тебя свалю! Сядешь за убийство». Мишку, вырывающегося и остервенелого орущего, держали несколько человек. Лиц Коля не запомнил, старался ничего вокруг не разглядывать. Хотелось только одного – чтобы все это поскорее закончилось. Сделать дело быстро, чтобы Мишка не успел опознать. Но Коля медлил, и Миша его увидел и узнал, даже вырываться перестал от удивления. «Бей, бей, бей!» – шипел Кисель. И Коля ударил. Ударил человека, который не мог ему ответить. Никогда не забудет его лица, глаз, которые были сначала изумленными, следом вспыхнули яростью и потухли.

Миша верно сказал, теперь он предатель. И ничтожество. Бандит!

Опять кто-то настойчиво позвонил.

Коля поплелся открывать, внутренне сжавшись и ожидая кого угодно – от бандитов до представителей учкома, который преследовал его везде и всюду, не давал покоя, всячески стыдя и порицая.

На пороге стояла Майка. Вся в пыли, паутине и с застрявшими в волосах кусочками осыпавшейся штукатурки, устало переминаясь с ноги на ногу и утирая грязным кулачком нос.

– А разве сегодня планировались занятия? – оглядывая ее с тревогой и удивлением, выдохнул он. Что это с ней? Упала где? Коля скривился от нежелания садиться за неурочные часы этой проклятушей математики. – Вторник и пятница же только.

– А ты чего не удрал? – зло зыркнула она из-под черной всклокоченной челки. – Собирался ведь! Три раза повторил, что уйдешь, но, видно, струсил.

– Не струсил.

– Повиниться ходил?

– Нет, – опустил голову Коля, ощущая, как вспыхнули щеки.

– Дома есть кто?

– Никого, но скоро придет отец.

– Проводи меня, пожалуйста, в ванную. Мне надо руки помыть.

Коля распахнул тяжелую входную дверь, от сырости она чуть задевала пол и половичок, который тотчас собрался складками у стены. Майка сунула Коле через порог свой портфель. От тяжести он едва не согнулся пополам, пробормотав: «Что там, камни, что ли?» Майка сняла пальто и как следует его встряхнула в подъезде. Потом деловито прошла в переднюю, скинула ботики, пальто повесила на изогнутый крючок вешалки. И не дожидаясь, пока Коля проводит ее в ванную, пошла в нее сама. Не заперев двери, она тщательно вымыла лицо и руки с мылом, стянула с полки полотенце и вытерлась.

Складывая полотенце в несколько раз, аккуратно соединяя края, она неотрывно и сердито сверлила взглядом Колю. Почему? Ну почему все внутри переворачивается от этого ее взгляда? Ну почему он так перед ней робеет? Ведь она же всего лишь маленькая девочка!

– С сегодняшнего дня мы занимаемся каждый день. Иди в гостиную, – скомандовала она, резко взметнув рукой. Коля невольно сжался, но тотчас выпрямился, стиснув кулаки, – нельзя показывать, как он ее боится. Еще чего не хватало – каждый день терпеть эти игреки!

– Но у меня концерт скоро в музыкальной школе! – начал было он, защищаясь. – Я должен отработать три пьесы Шумана.

– На осенних каникулах у меня экзамены на перевод в седьмой класс – тоже, знаешь ли, дел неувпроворот. А еще на заседании учкома было решено, если ты четвертные контрольные по алгебре с геометрией провалишь, то меня до экзаменов не допустят.

– Как это? – скривился Коля, не ожидая удара с этой стороны. Меньше всего он хотел быть препятствием Майке в ее погоне за классами.

– Вот так! – зло огрызнулась она.

– Когда же было заседание?

– Сегодня!

– А я? Я почему на нем не присутствовал?

– Почем я знаю.

– Меня, что ли, спрашивать не надо? Совсем всю жизнь за меня решать будете?!

– Иди в гостиную, я принесла тебе учебник, который ты точно осилишь, – Майка развернула его волчком, взяв за плечи, и толкнула в спину, да так сильно и с такой злобой, что Коля чуть не полетел за порог, споткнувшись.

Сунув руку в портфель, она шлепнула на стол перед ним учебник арифметики для второго года обучения.

– Ты что? Издеваешься? У меня во втором классе пятерка была!

– Но ты ничего из него не помнишь! – Майка уперлась в стол руками и приподнялась на цыпочки, чтобы казаться выше. Она прикрыла глаза, глубоко вдохнула, неспешно выдохнула и, подняв веки, посмотрела на Колю спокойней.

– Математика, как архитектура, понимаешь? Это как дом строить. Сначала выстраивается фундамент, потом стены, перекрытия, крыша. Если вынуть несколько кирпичей из фундамента, стены обвалятся, рухнут перекрытия с крышей. Математику нельзя сегодня учить, завтра не учить, она состоит из таких мелких кирпичиков, как дом. По истории ты можешь знать все про Древний Китай, но ничего про Индию, по литературе ты можешь не выучить стихов Некрасова, но запомнить Лермонтова. Ноль информации по истории Индии не помещает твоему изучению Китая, а незнание Некрасова не будет препятствием для знакомства с другими поэтами. Но если ты не будешь знать таблицу умножения, то никогда не решишь и самое простое уравнение, – проговорила она на одном дыхании, а потом вдруг резко выпалила: – Дважды два?

– Что? – Коля пребывал в таком недоумении от ее напора, что не только не смог ответить на такой простой вопрос, но и осмыслил его не сразу.

– Дважды два? – повторила Майка, дернув насмешливо бровью.

– Ну, четыре.

– семью восемь?

– Пятьдесят шесть.

– Пятью девять?

– Сорок пять.

– Никанор Кисель, – ни с того ни с сего выпалила она.

– Что? – глаза Коли округлились, но он не успел совладать с лицом – побелел, рот невольно поехал в удивлении уголками вниз.

– Дрогнул, – вытянула Майка палец и поджала губы в нитку. – Ты знаком с Никанором Киселем из дома № 56/17?

– Не-ет! – тряхнул головой Коля, всплеснул руками, убрав их зачем-то за затылок.

– Не отпирайся! Это он заставил тебя Цингеру голову разбить? Посвящал тебя в бандиты, да?

Коля смотрел на нее с ужасом. Отпрянув на стуле, замер с руками за головой, вцепившись себе в волосы и раскинув локти. Что будет, если сознаться? Что случится, если действительно пойти в милицию и все рассказать? Он медленно опустил ладони на стол, глянув на Майку исподлобья, не зная, как быть и на что решиться. Девчонка его все равно раскусила уже.

– Да говори уже, – не выдержав, прикрикнула она. – Не дело это – сознаваться только наполовину.

– Почти.

– Что почти?

– Почти заставил.

– Как было дело? Не томи, пожалуйста. Отвечать за свой поступок все равно придется, может быть, даже перед судом. Это война, Коля! И ты должен выбрать, за кого ты – за злых или добрых? За плохих или хороших? За белых или красных? Ты предатель или герой?

Коля смотрел перед собой пустыми глазами, видя угрюмое, тупое, в веснушках лицо Киселя, нависшее над ним, его отталкивающую ухмылку, почерневшие зубы, жирные рыжие волосы и нос картошкой. «Бей, бей, бей!» – шипел тот у уха.

– У меня есть план, как сгладить твою вину, – Майка взяла стул, залезла на него коленями, положив на стол локти. От нее пахло пылью и почему-то хлебом, и Коля вспомнил, что забыл сегодня пообедать; мать что-то оставляла в кухне перед тем, как уйти к подруге на Тверскую, у которой она вечно пропадала днями и ночами, а он и не глянул даже. Неприятно свело желудок то ли от голода, то ли от обиды и страха.

– Мне нужно знать, какие у вас с ним отношения, кто он в банде? – Майка приблизилась к его лицу вплотную, почти коснувшись носом.

– Да никто – шестерка, – отстранился Коля, смущенно глядя в сторону. – Силой берет, кого надо может к стене прижать и припугнуть, а за это его матери позволено торговать старыми тряпками на бывшем Немецком рынке.

– Ты хочешь с ним по квитаться?

Коля чуть отъехал со стулом от стола, чтобы Майка не стояла так близко, и перевел на нее затравленный взгляд.

– Что такое ты придумала? Выкладывай!

– Здесь на вашей улице недалеко есть дом, особняк, почти что замок с башней. Знаешь?

– Двадцать третий, что ли?

– Да. Он пустует – идет ремонт, прокладывают трубы. В нем не было отопления и к чертям отсырели полы и перекрытия. На первом этаже в одной из квартир за порогом гостиной дыра в полу, ведет прямо в подвал. Судя по следам на паркете, выносили пианино, оно, видно, в дверь не проходило, и уронили его, а ножка дыру пробила. Хорошая такая дыра – Киселю хватит. Я ее расширила и поверх старый половичок постелила, отрез от дорожки – довольно плотный, не проваливается. Если не приглядываться, то незаметно, *что* под ним.

Коля сдвинул брови.

– И?

– Ты должен позвать Киселя на «стрелку», заманить в квартиру и заставить наступить на половичок. Он провалится в подвал, откуда ему некуда будет бежать. В подвале нет крупных отверстий, нет окон, только за домом есть люки – для подачи в дом угля, но на них хорошие замки. А если он будет орать – никто не услышит, стены толстые.

– Майка, ты сдурела, – выдавил Коля, качая головой и сразу отказываясь. – Книжек читалась про пиратов и разбойников? Думаешь, это в жизни возможно? Да он в два... в три раза меня выше и шире. Он ведь двумя пальцами за шиворот приподнять может. Когда я ударить

был должен Мишку, он меня вот так за шею держал, – и Коля обхватил себя сзади, – одно легкое нажатие – и мне как-то.

– Ничего я не сдурела. Я до семи лет жила с деревенским милицейским, он мне опекуном был. И однажды к нам в избу один страшный атаман пришел, хотел горло резать. Так дядька мой ему засаду устроил: заранее снял крышку с погреба и застелил пол в горнице попонами. Пригласил атамана в сени, налил ему самогона, мол, проходите, гость дорогой, угощайтесь. Атаман наступил на попону, хлоп – и провалился. А дядька-то его и застрелил.

– Что ты врешь, ты же говорила, что детдомовская.

– В детдом я попала потом, когда мне семь исполнилось. И три года там провела. Ну что? Готов искупить вину перед Мишкой? Может быть, придется пролить кровь, может, Кисель разобьется, может, он тебя укокошит. Случится может что угодно. Но если все сделать аккуратно, по моему плану, то исход будет такой: он проваливается, мы ему предлагаем обмен, он нам – чистосердечное, на бумаге за подписью, а мы ему стремянку. Она уже есть. Там все готово. Я почему в такой грязище пришла? – оттуда.

– Нет, я в жизни не смогу, – пискнул Коля с навернувшимися на глаза слезами.

– А когда друга чуть не убил, смог? Руку поднять смог на Мишку?

– Меня заставляли, смертью грозили.

– Ну считай, что я тебя тоже заставляю и смертью грожу, – Майка увела ноги в сторону и скользнула на стул, села, положив перед собой ладони, как на парту во время урока. На Колю глядел совершеннейший чертенок, который не отстанет, пока своего не добьется.

Но мысль о том, что придется отвечать за содеянное, не давала покоя, плавно она перетекла в другую: так оставлять безнаказанным грубый шантаж Киселя нельзя. Не будет же он всю жизнь бегать от подобных бугаев и чуть что бросаться выполнять их прихоти. Не трус же он, в конце концов, и не предатель. Надо начать вести себя как мужчина.

– Ну и как мне его заманивать? – с тихим смирением спросил Коля.

– Не знаю, пообещай что-нибудь, денег например. Вы же в одной банде. И потом, он небольшого ума парень, его Ася в два счета вокруг пальца обвела, придя взять кровь на алкоголь. А Ася не умеет притворяться и лгать, она до сих пор в бога верит и боится в ад попасть. Коля поразмыслил. Если пообещать денег, то, пожалуй, Кисель пойдет.

– А что потом?

– Что потом?

– Ты продумала, что мы будем делать с его чистосердечным?

– Отнесем дядь Леше, он – я уже говорила – следовательно. Он знает, что с такими бумагами делать.

– А рассказывать будем, как мы его добыли... если уж добудем, конечно?

– Все как есть поведаем. Я про засаду расскажу, ты – про то, как заманил. Да ты не дрейфь, – Майка залихватски хлопнула его по плечу. – Тобой гордиться будут, в газетах напишут и, наверное, медалью наградят... за бесстрашие или отвагу, за то, что помог опасного преступника поймать.

– А если он из подвала выберется... и сразу же отправится меня убивать?

– Ничего, ты после нашего дела ко мне иди, переночуешь, а потом его уже поймают, и он тебе ничего сделать не сможет.

– Может, тогда лучше не дадим ему стремянку? – взмолился Коля, дернув бровями.

– Нет, так нельзя, – Майка нахмурилась, отстранилась и скрестила на груди руки. – Мы ему за признание в письменном виде будем сулить стремянку. И как потом ее не дать? Это получается обман, нечестно, не по-пионерски. Война войной, но и честь надо знать. Мы что, по-твоему, немчура? Это немцы в большую войну нарушали Женевскую конвенцию, обстреливали с самолетов санитарные поезда, нарочно выкрашенные белым с красным крестом, и

газ применяли. А мы – советские школьники, мы будем честно сражаться. Не на жизнь, а на смерть. Но честно!

Весь следующий день Коля провел в страшных муках, не зная, как поступить: согласиться на Майкину операцию, идти в милицию или оставить все как есть? Совесть душила и скребла сердце наждаком. Коля сходил проведать Мишу, но тот накричал на него и повалился от натуги в обморок. Зря надеялся, что сможет очистить совесть, попросив прощения. Но, видно, и вправду такой поступок придется смывать с рук кровью. Сам виноват. Надо уметь говорить «нет», отстаивать свою точку зрения и пусть даже быть за это битым, но уж сразу, на месте, а не увязать во лжи и самообмане. Как же было хорошо с чистой совестью. Майка права, все это из-за математики, рогом уперся, провалил экзамен, нагрубил директрисе, не взяли в комсомол, попал в дурную компанию...

Они условились на среду в шесть вечера, когда за городом скрываются последние лучи солнца, тихо, рабочие с фабрик, грузчики со всех трех вокзалов, располагавшихся поблизости, еще не двинули по домам, город погружается в сумерки, фонарей не зажгли и все кругом серо. Киселю Коля наврал, что ему хотят дать денег за успешно провернутое «дельце с мадьярами», золотом. Глаза того загорелись, и он ни о чем больше не спросил, пообещав, что будет ждать в подъезде заброшенного дома.

Когда солнце косыми лучами скользнуло в окно гостиной, Коля поднялся. Набрав воздуха в легкие, зажмурился, точно готовился к смерти, сердце прожгло горькой обидой, что он испортил себе всю жизнь одним-единственным глупым поступком, поддавшись грубой силе. С шумом выдохнув, он посмотрел на свою виолончель. Если все удастся исправить, пообещал себе, что все вызубрит, все прорешает, все Майкины примеры со скобками и без, и сам, без ее помощи! А потом окончит школу и уйдет в консерваторию.

Проскочив из гостиной в переднюю, он открыл было дверь, и тут вышла из кухни мать. Коля на мгновение обмер, решив, что все его намерения ей давно известны, как всякой матери, всевидящему оку или древнему оракулу, но все же потянулся за пальто, стараясь на нее не глядеть.

– Куда же ты собрался? – она уперла кулак в бок. Черный шелк ее кимоно струился от бедра к полу, длинный шлейф волочился по паркету. От нее остро пахло ее папиросками и французскими духами.

– В музыкальную школу, – проронил тот, со страхом ожидая, вспомнит она или нет, что сегодня у него там занятий нет.

– А инструмент? Забыл? – неожиданно спросила она.

Коля облегченно выдохнул и потащился обратно в гостиную за виолончелью. Снял с подставки, открутил шпиль. Мать последовала за ним, встала на пороге, наблюдая, как он укладывает инструмент в кожаный с клепками чехол, как не спеша, все еще надеясь не взять с собой эту громадину, защелкивает застёжки. Обреченно он подтянул виолончель за ремень, который крепился у головки грифа и внизу у подгрифника. Делать нечего – придется идти в дом № 23 с ней.

Спустился вниз. Вышел из подъезда, прошел шагов десять, справа и слева стояли покосившиеся деревянные домишки, притуленные к высоким доходным домам с балконами, с деревьев ветер нес под ноги пригоршни золотых листьев. Улица была на удивление безлюдна. Действительно тихо: еще не начали возвращаться с заводов и фабрик рабочие, которых здесь проживало полно. Только под аркой колокольни церкви Святой Екатерины Николо-Рогожской, такой потертой и обтрепанной, что, казалось, ее крепко обстреляли из тяжелых орудий в мировую войну, прямо на земле по-турецки сидел мальчонка в пальто с протертыми локтями и котиковым воротником и шлеме-буденовке, надвинутом на лоб. Перед ним лежала старая кепка с дырой на подкладке и несколькими монетами в ней. Коля было прошел мимо, но ему показались знакомыми ботинки. Он вернулся. Наклонившись, заглянул под козырек буденовки.

– Иди куда ш-шел, – прошипела Майка.

Коля живо послушался, дернув от нее, как от огня. И почти бегом долетел до возвышающегося, казалось, до самых небес, тонущего в вечерних сумерках доходного дома Фроловых под номером 23. Это был настоящий замок, построенный лет пятнадцать назад. Облезлая громадина с пузатым эркером, имитирующим средневековую башню, с цветными витражами в стрельчатых окнах лестничной клетки, делающими его похожим на готический собор, и рядом балконов с чугунными ограждениями – дом выделялся среди прочих на Баумановской улице. Коля никогда не видел, чтобы в нем кто-то жил. В школе про этот замок рассказывали страшные сказки, кто-то утверждал, что по ночам от него доносится вой привидений, вызванных медиумами, которых приглашал старый хозяин в прежние времена, он устраивал в обставленных томно и с мистическим шиком комнатах спиритические сеансы, кто-то рассказывал, что в дни революции здесь заседал Реввоенсовет и расстреливали врагов народа, что лестницы и комнаты залиты кровью, а на стенах отпечатки рук тех, кто, умирая, пытался подняться, но падал под пулями вновь.

Кисель уже ждал у подъезда, держа руки в карманах бушлата, топчась и подметая широкими клешами матросских брюк листву. Он молча подмигнул Коле, покосился на инструмент за его плечом. Коля заговорщицки сузил глаза, дернул подбородком в сторону двери. Зашли внутрь. Цветные витражи были серыми от пыли и грязи и почти не пропускали света, вверх и в сторону уходила лестница, ступени ее были обшарпаны, перила все в пыльной паутине.

– Деньги я принес, – глухо сообщил Коля, глядя на широкие клеша спортсмена и распахнутый бушлат с поднятым воротником, под которым была тельняшка. – Но есть разговор... задание... мне велели передать.

– Какое? – бесцветно спросил тот.

– Здесь могут услышать, сейчас толпы с вокзалов пойдут, а дверь не запирается, пошли в квартиру.

– В какую еще квартиру?

– Ну вот эту хотя бы, за твоей спиной которая.

Кисель сделал пол-оборота, посмотрел на высокую дубовую дверь, чуть приоткрытую, потянул ее на себя, глянул, проверил, нет ли кого в темноте передней.

– Ладно, пошли, – и шагнул внутрь, двинувшись прямо в проем, у порога которого под половичком ждала дыра в полу.

Вдруг Коля понял, что Кисель со своим широким шагом мог ее и проскочить. Тогда весь план бы рухнул. Майка немного просчиталась, полагая, что жертва так же семенит ножками, как девочки. Кисель шагал как солдат.

– Эй, – вырвалось у Коли громче, чем он рассчитывал.

Кисель остановился, глянул за плечо, наступив прямо на выпирающую часть порога. Следующим шагом он перешагнет через дыру – это было так очевидно, что Коля почувствовал, как вспотел под пальто, инструмент тяжело давил на спину, ремень впивался в шею.

Он медленно снял виолончель и отставил в сторону, бережно прислонив к стене. Спортсмен смотрел с недоумением.

– Я вызываю тебя... – глухо выговорил Коля, почему-то опять глядя на неопрятные и замызганные грязью клеша Киселя, не смея поднять глаз к его лицу.

– Что? Что ты там щебечешь, мелочь? Деньги где?

– Нет денег! Я вызываю тебя... – громче сказал Коля и поднял голову, заставив себя сделать это – посмотреть врагу прямо в глаза. – На бой! На... дуэль!

Кисель прыснул со смеху, громко гоготнул, хрюкнул, но тотчас затих, вовремя вспомнив, что лучше не шуметь.

– Куда ты меня вызываешь? – он сошел с порога и был теперь в шаге от него. – Не бреша, отдавай мою награду.

– За Мишу... поквитаться за Мишу, – Коля сжался, опять опустив голову, пристально глядя под его ноги, и вздрогнул, когда в темноте перед глазами выросла рука и не больно, но унижительно шлепнула его по скуле. Он дернулся головой, как от замаранной тряпки, брезгливо скривил губы, но тут же выровнялся и, тверже встав на обе ноги, сжал кулаки.

Когда они сцепились в драке, Коля думал только о том, чтобы выстоять и не дать своему противнику слишком оттеснить себя от порога и половичка с дырой под ним. Упершись ногами в пол, будто шел сквозь пургу в зимнюю ночь, он держал Киселя за плечи, стараясь головой протаранить его грудь, тот стянул в левом кулаке ворот его пальто, пытаясь приподнять, чтобы удобней было бить, правым он наносил удар за ударом, целясь в лицо, попадая в ребра, сердце, живот, нос. Колю душило собственное пальто, воротник впился в кожу под подбородком, и если бы Кисель не расслабил чуть хватку, то он вот-вот потерял бы сознание, невозможно было сделать вдох, уже темнело в глазах. Боковым зрением Коля успел заметить мелькнувшую у футляра с виолончелью буденовку, и в страхе, что сейчас достанется еще и Майке, которая, видно, пришла на помощь и не знала, как подступиться, сделал усилие и с рычанием оттолкнул от себя тяжелую тушу своего противника. Тот устал молотить Колю, завалился плечом на дверной косяк, но вышло неловко, попытался схватиться за выступающую его часть и покачнулся.

– Это я еще кастет не надел, – отдыхиваясь, сказал Кисель, нагнувшись глянул себе на ноги. – У чертиная, все бахилки мне истопал.

Коля понял, что это единственный шанс, изловчился и, вцепившись в его бушлат, потащил вниз. Враг от неожиданности потерял равновесие, и оба повалились на пол. Коля упал коленями перед порогом, а Кисель шлепнулся задом аккуратно на половичок.

С минуту Коля, державшийся за истерзанное горло, и подоспевшая Майка смотрели на Киселя. Тот сидел на полу в какой-то странной, неестественной позе, коленями почти упирался себе в подбородок, будто дитя на горшке. Он попытался вывернуться, отталкиваясь от пола, но половичок, наполовину провалившийся под ним, стал скользить вниз, в подпол. Он уперся локтями и взвыл, вытягивая себя вверх.

– Попробуй за волосы, как Мюнхаузен, – посоветовала ему Майка.

Кисель с рыком раненого кабана подался на локтях вновь. И тут перегнившие доски пола не выдержали, и он провалился к перекрытиям. Теперь торчали только его ноги. Коля, замерев, с ужасом глядел на приподнятые – один вверх, другой в сторону – ботинки, которые выделяли кренделя в воздухе и на половичке, собранном вокруг дыры в полу волнистыми складками.

У Коли дико закружилась голова, и показалось, что все кругом отъезжает в сторону, он покачнулся. Перед глазами половичок уползал в дыру, унося с собой страшные ботинки, чем быстрее они семенили, тем скорее ускользали. Все было как в страшном сне.

Почти сразу же под отчаянное «а-ар-гг-га-рр!» раздался глухой удар снизу, словно где-то в подземелье обрушился кусок скалы, и голос оборвался. Коля почувствовал, как закатываются глаза и он заваливается набок. В висок прилетел крепкий удар.

Очнувшись он от неприятной боли в щеках и шее. Над ним нависла Майка, отчаянно шлепая по лицу. Сам он полусидел на полу, головой и спиной откинувшись на стену.

– Ну слава тебе, мать небесная, – выдохнула девочка. На ней не было буденовки, прямые черные волосы разметались, проволокой торчали в разные стороны, челка стояла, как ирокез у индейцев. Она вывернула край своего пальто наизнанку и принялась вытирать нос Коли.

– Умер? Разбился? – прошепелявил он, чувствуя языком рваную рану на губе и внутри рта – кажется, прикусил щеку. Попытался чуть привстать и сесть поудобней, но сильно кольнуло в ребрах.

– Ах, – простонал Коля, отчаянно переживая, что не может понять, что и где болит, каков ущерб, останется ли он теперь после таких побоев жив, – сердце! Сердце рвется на куски...

Майка свела брови, принялась ощупывать под пальто его грудь.

– Кажется, одно ребро сломано, как-то неестественно кость вот тут выпирает, – она надавила, и Коля опять улетел в какую-то черную пустоту, однако, пробыв там всего секунду, ощутил, как его опять шлепают по скулам. Он схватился рукой за грудь и отчаянно всхлипнул.

– А ну не рыдать! – громким шепотом рявкнула Майка. – Я ошиблась! Это не кость, а пуговица от бантового кармана твоей юнштурмовки.

– Но болит, будто сломано! – капризно скривился Коля.

Оба замерли, услышав откуда-то снизу стон, рев и внезапный топот.

– Наш циклоп очнулся. Стало быть, не умер, – прицокнула языком Майка. На лице ее разлилась довольная улыбка. – Ты настоящий герой, Колька! Стоял, как французы против немецких танков в июле 16-го⁴. Дай я тебе, солдат, нос утру – кровища хлещет.

И она вновь прошлась по лицу Коли изнанкой своего пальто, под которым были надеты штаны с манжетами под коленками, какие носили лет так десять назад, и шерстяная рубашка не по размеру, похоже, что отцовская. Она так интенсивно стирала кровь, что Коля почувствовал с десяток игл, впившихся в глаза, и едва успел отстраниться, чтобы все опять не поехало в сторону.

– Ну? Тебе лучше? Пойдем на него посмотрим, – лезла Майка в лицо, озабоченно оглядывая Колю.

– Не хочу, иди сама, я свое дело сделал, – отмахнулся он и попробовал удобней сесть у стены.

– Ладно, – хмыкнула Майка, совершенно не обидевшись, отошла к дверному проему, освещенному уличным фонарем, что стоял прямо против окна, – теперь он щедро поливал светом гостиную комнату с эркером. Девочка подползла к неровным краям дыры, легла на пол животом, растянувшись по всей длине в передней, и положила руки на порог, а подбородок на ладони. С интересом глянула вниз.

– Эй, – крикнула она Киселю. – Физкульт-привет!

И задорно ему помахала. Тот зарычал в ответ, слов Коля не расслышал, но, несомненно, что-то угрожающее.

– Ты не слишком зашибся, спортсмен?

– Ты кто такая? – услышал Коля злобный рев Киселя и вздрогнул. Голос его вдруг раздался уж больно близко. – Откедова взялась?

– Отойди от него, – простонал Коля и, обеспокоившись, что здоровяку ничего не стоит дотянуться рукой до отверстия, перевалился на колени и, преодолевая боль в ребрах, дополз до Майки. С облегчением он увидел, что в подвальном помещении потолок такой же высокий, как и на первом этаже. Кисель со взлохмаченными, отливающими медью волосами, в бушлате нараспашку и с широко разведенными ногами в широких клешах казался маленькой фигурой брошенного детьми деревянного матросика. Смотрел на них, запрокинув голову, на искаженное яростью лицо попадала полоска света.

Коля быстро окинул взглядом, сколько доставало, пространство вокруг пленника, радуясь, что там нет никакой мебели, ящиков, лестниц, только у дальней кирпичной стены сгружены трубы. Подвал полностью вычистили перед ремонтом. Пожалуй, если бы нашелся стол, то, забравшись на него, Кисель бы их достал.

Убедившись, что Майка в недосягаемости, Коля опять отполз к стене, с облегчением припав виском к холодному кирпичному простенку.

– Вы это все подстроили, подонки, ублюдки! Кто ты такая, гадюка? – опять послышалось из подземелья. – Коля, кто эта девка?

⁴ В битве при Сомме немецкая сторона впервые применила танки.

– Совесть твоя, – глухо отозвалась Майка, в тоне сквознуло недовольство – видно, обиделась на «гадюку» и «девку».

Кисель ответил каким-то нечленораздельным звуком, следом за которым последовала длинная очередь матерных слов, каких-то непередаваемых рязанских словечек и злобный топот, удары кулаков в стены, глухой ор, которые продолжались, казалось, целую вечность. Пленник надеялся, что его услышат. Но спустя некоторое время он все же замолк. Майка повернулась к Коле, доверительно, с улыбкой во все лицо, сообщив:

– Устал, сел на пол, отдыхается, пьянь.

– Тебя дома не потеряют? – спросил Коля, оттолкнулся от стены и стал прощупывать ребра, поводил челюстью из стороны в сторону, потрогал нос, осторожно втянул им воздух, с отчаянием понимая, что одна ноздря не дышит, значит, что-то там сломано.

– Не потеряют. Отец думает, что я с Асей, дома, а она – что я у отца, в институте.

– Влетит тебе, уже поздно.

– Мы отсюда двинем сразу в Столешников переулок, к дядь Леше. При нем не влетит. Ты забыл, что мы – герои. А победителей не судят.

– О чем вы там бормочете? – крикнул Кисель.

Майка повернула к нему лицо и улыбнулась, как это умела только она одна: глаза – два горячих уголька, а от уха до уха растянут длинный рот. Всегда это означало, что она что-то сейчас сострит.

– Давай не будем тратить твое время, товарищ спортсмен, – начала она. – Тебя отсюда никто не услышит. Я позаботилась, чтобы все отверстия были хорошо заделаны, а на люках для подачи угля висели хорошие замки. Стены в этом доме метровые, строили немцы, а они все, за что берутся, делают на славу. Даже если ты будешь бить кувалдой, которой у тебя нет, – ничего не выйдет.

– Я ухандакаю вас обоих, вот выберусь, – перебил ее тот. – Из-под земли достану. В рогалик скручу. Вы от меня так просто не уйдете.

– Можно, я продолжу? Я подошла к главному. Человек без воды может прожить неделю, но это в лучшем случае, в худшем через три дня он впадает в бессознательное состояние и остальные четыре медленно и мучительно умирает. Сегодня среда, работы по ремонту продолжить собираются в понедельник, я узнавала у здешнего управдома. До понедельника... раз, два... – Майка демонстративно загибала пальцы, – пять дней. Ты будешь уже не жилец, и врачам тебя спасти не удастся, а если повезет выжить, останешься дураком.

Коля слушал ее с недоумением.

– Вообще-то ты сильно сгущаешь краски, – шепотом заметил он.

– Он тупой, – одними губами ответила Майка.

– Убью, – упрямо рявкнул Кисель. – Упокойники вы, оба.

– Про то, что ты заставил Колю Бейлинсона ударить Цингера, в милиции уже знают, и про то, что пьешь, не просыхая, хоть и комсомолец. К тебе давеча приходил тайный агент, ты сам его впустил. Про тебя теперь все в милиции известно.

Майка замолкла, ожидая реакции здоровяка. Но ее не последовало.

– Что за агент? – прошептал Коля, подползая к дыре и с осторожностью, будто боялся извержения гейзера, заглядывая к Киселю. Тот по-прежнему стоял, широко расставив ноги, руки стиснуты в кулаки, голову низко опустил, так что был виден только рыжий затылок. Он молча переваривал сказанное Майкой и уже не кричал, что убьет их.

– Ася ходила к нему как представитель ИСПЭ, – шепотом ответила она, а потом повернулась опять к Киселю и прокричала:

– Я предлагаю тебе сделку. Ты пишешь заявление на имя следователя Мосгубсуда Фролова Алексея, сознаешься, что силой заставил Колю ударить Мишку, что Мишка не выкри-

кивал никаких контрреволюционных слов, которые ему вешают, что он вообще просто мимо проходил, а мы тебе стремянку спускаем. Идет?

Кисель не отвечал, и в его молчании Коля чувствовал опасность. Невольно задрожали пальцы, которыми он потирал саднящее горло.

– Идем, – громко обратилась к Коле Майка и поднялась. – Вернемся завтра после школы, тогда он поразговорчивей будет.

И накрыла дыру половичком.

– Эй, эй, эй! – слышалось глухое.

Майка отогнула край половичка.

– Покажите мне стремянку, – тон пленника смягчился, и в нем зазвучали трусливые и жалобные нотки.

Легко перепрыгнув через дыру, девочка пошла в соседнюю комнату, оттуда раздался скрежет массивного деревянного предмета, царапающего пол. Через минуту она выволокла грубо сколоченную лестницу, довольно тяжелую. Коля бросился помогать, преодолевая боль в ребрах, неловко прыгнул через порог, подогнулись колени, едва не провалился.

Вместе они дотащили стремянку и встали по обе стороны от отверстия, придерживая ее так, чтобы хорошо было видно пленнику снизу.

– Ее длины не хватит, – критически заметил тот.

Майка оценивающе оглядела лестницу.

– Если прислонить к ближайшей стене, забраться на самую верхнюю перекладину, то с нее можно спокойно дотянуться до краев перекрытия. Ты же спортсмен! Каким видом спорта ты занимаешься?

– Тяжелой атлетикой.

– Очень хорошо, значит, сможешь себя подтянуть. Ну что, напишешь признание?

Кисель отошел в темноту. Майка пожала плечами и опять нарочито громко сообщила Коле, что они лучше придут завтра.

Лестницу приставили к стене.

– Ладно, – слышалось снизу. – Давайте бумагу.

С улыбкой Майка вынула из кармашка пальто сложенные вчетверо три тетрадных листа в клетку, а из другого – химический карандаш и кусок бечевки и сбросила все это пленнику. Потом взяла выпавшую из стены половинку кирпича и со словами: «Осторожно!» – тоже сбросила вниз.

– Напишешь, обернешь бумагой кирпич, перевяжешь бечевкой и закинешь нам. Не забудь указать все имена и даты. И пиши Мишкино полное имя: Ми-хэ-ли. А то не зачтут в суде.

Коля с восхищением глянул на эту худенькую востроглазую девочку в мальчишечьем пальто, которое было ей чуть великовато. Она все продумала до мелочей!

Минут через десять из отверстия вылетела половинка кирпича, перевязанная крест-накрест, и шмякнулась прямо перед ними.

Поспешно развернув лист и удерживая его с обеих сторон, словно боясь потерять дорогое сокровище, они бросились к высоким окнам эркера. Под светом фонаря, громко в один голос бормоча, прочли:

«Заявление на имя ст. след. Фролова А. Московского губсуда. Сознаю в следующем деянии: 17 сентября 1928 года в 20:00 силой принудил Бейлинсона Н.Н. ударить камнем Цингера М. А., выкрикивал ни пристойные аскаблениа в сторону камунистов и жидов, создал беспорядок у дома № 13.

Кисель Никанор. 26 сентября 1928 года».

Недовольная сухостью изложения Майка вопросительно посмотрела на Колю.

– Этого же достаточно? – спросил он с надеждой, не желая требовать у пленника переписывать документ. – Ничего же, что с орфографическими ошибками?

– Ошибки могут и принять, следовательно ведь не учительница по русскому языку. Тут дело в другом... Как-то... суховато, что ли... – девочка почесала за ухом, брезгливо скривившись. – А ты как считаешь?

В эту минуту Кисель подал голос:

– Эй, опускайте давайте лестницу.

Майка посмотрела на Колю, сощутив глаза.

– Сойдет, Майка! Давай уже уйдем отсюда, – взмолился он шепотом.

– Нам нужно быстро от него смыться. Кажется, он так легко согласился, потому что рассчитывает быстро выбраться, догнать нас и отнять эту бумагу, – заговорила девочка, тоже шепотом и низко наклоняясь к Колиному лицу, так что он лбом почувствовал прикосновение ее волос. – На углу со Спартаковской останавливается 21-й трамвай, он ходит каждые пять минут. Я выйду из подъезда и стану смотреть. От нас Спартаковская метрах в ста. Как только трамвай прибудет, мы спустим ему лестницу и дернем на остановку. Пяти минут до следующего трамвая, на все с лихвой.

Из дома № 23 они неслись быстрее ветра. Коля не чувствовал своего тела, ушибов, у него носом шла кровь от волнения и ударов, хлопали полы распахнутого пальто, обдувало мокрую от крови грудь, за спиной билась тяжелая виолончель. Майка бежала впереди него, перепрыгивая через лужи и ловко маневрируя между прохожими, которые в удивлении оглядывались на эту странную парочку: двое мальчишек, один, видно, музыкант, другой – шпана в шлеме-буденовке.

На 21-м трамвае они промчали метров двести, стоя на подножке, к ним уже приближалась грозная кондукторша в черной куртке и с сумкой, повешенной через грудь. Майка увидела, что к углу Аптекарского как раз подкатил 24-й, – показала пальцем, и едва не одним прыжком они перескочили из одного вагона в другой. 24-й доставит их до Охотного ряда, а до Столешникова, где располагалась следственная часть губсуда, дойдут пешком. Теперь Кисель их не догонит. Можно присесть и отдохнуть. В кармане Майки лежало спасение Мишки Цингера от несправедливого обвинения. Хватаясь за поручни и тяжело переступая по полу раскачивающегося из стороны в сторону вагона, Коля направился к пустой скамье и, сев, почувствовал себя героем. От прилива чувств перехватило дыхание. С благодарностью он посмотрел на Майку – если бы не эта выдумщица, он бы никогда не решился дать отпор своему обидчику. Он вызвал его на дуэль, на настоящую дуэль, о которых с самозабвением рассказывал ему отец в детстве... Может быть, теперь он останется доволен сыном!

Глава 5

Слушание по делу Мишки Цингера

Константин Федорович Грених дописал очередное заключение о вскрытии и поспешно вложил листы в папку, завтра нужно перенести текст в журнал и отправить в губздравотдел целую тонну накопившихся актов. Время было позднее – пол-одиннадцатого вечера. Еще днем он предупредил Асю, чтобы не ждали к ужину, и спокойно завершил все дела по судебно-медицинской отчетности. На его плечах лежало заполнение в каждом случае экспертизы личного журнала, самих актов, а еще несметной тьмы статистических карточек о вскрытии, о вещественных доказательствах и освидетельствовании живых лиц, отдельно по самоубийствам, убийствам, женщинам и мужчинам, а также годовые статистические сводки. Вся эта бумажная волокита отнимала у жизни целую прорву времени. Приходилось урывать часы у сна и приемов пищи, иначе голодный и злой зверь, именуемый Наркомздравом, разбухнет и станет извергать недовольство лавинами выговоров и штрафов.

Окна кабинета застыли черными прямоугольниками, свет, идущий от единственной лампы под потолком, чуть подрагивал, а вместе с ним – и тени на голых стенах. Вот теперь стоит поспешить, подумал Грених, не ровен час – опоздает на последний трамвай и придется идти пешком. А путь до Мясницкой неблизкий.

Ничто не предвещало беды. И тут раздался телефонный звонок.

– Ваша дочь у нас, – как сквозь плотную вату, услышал Грених голос старшего следователя Фролова, – сидит сейчас напротив меня. Не беспокойтесь, с ней все в порядке. Но вы должны послушать то, что она рассказала.

– Сейчас буду!

С горячей головой, шумом в ушах и колотящимся сердцем Константин Федорович схватил пальто, шляпу и бросился вон из Института Сербского. Не дождался ни одного трамвая на Кропоткинской, и до Гоголевского бульвара пришлось добежать пешком, там еще ходила по Бульварному кольцу «Аннушка» – трамвай «А».

В Столешников переулочек он попал в начале двенадцатого, быстро пересек пустующие в этот час коридоры и, запыхавшийся, ворвался в кабинет старшего следователя.

На звук его шагов Майка, оседлавшая стул, как коня, обернулась, на лице ее застыла маска серьезности, губы поджаты. Она медленно встала и, держась за край стола, демонстративно опустила глаза в пол – что значило: «Я заранее каюсь во всем, но вины своей не признаю». Грених оглядел ее в удивлении: одета в старое пальто, в котором он забрал ее три года назад из детдома, в руках буденовка, которую она выменяла в Зелемске, в штанах, что стали малы и жали под коленями, и в его – Грениха – рубашке.

– Что все это значит? – ледяным тоном спросил он и только сейчас заметил за спиной дочери ее товарища по школе, Колю, при виде которого Грених всегда испытывал мучительное чувство ревности. Звезда школьного театра, музыкант, поэт, был идеальным пионером, пока вдруг в прошлом году что-то не стукнуло мальчишке в голову и он не объявил войну учительнице по математике – у детей в этом возрасте случаются странности.

Коля сидел на стуле, двумя руками вцепившись в футляр с виолончелью, и отстукивал зубами дробь, лицо до неузнаваемости распухло: синяк под глазом величиной с кофейную чашку, нос как теннисный мяч, нижняя губа уехала в сторону и рассечена – будет шрам. Пальто накинуто на одно плечо, левая рука подвязана ремнем, а белая юнгштурмовка была такого же цвета, как пионерский галстук, будто ему язык вырвали – другое объяснение такому сильному кровотечению подобрать было сложно.

Грених сделал два шага. Неожиданно Коля вскочил, шатнулся назад, выронил виолончель и перевернул стул.

– Нет, нет, пожалуйста, только не гипноз, только не гипноз, – он отлетел пулей назад, врезался в шкаф, забитый папками, и упал, бумаги посыпались ему на голову. – Пожалуйста, у меня слабое... слабое здоровье... я не вынесу гипноза.

Под недоуменным взглядом Грениха Фролов бросился к мальчишке. Одной рукой он придерживал опасно покачнувшийся шкаф, другой под локоть поднял Колю.

– Что, страшно сделалось, да? – ухмыльнулся он. Коля затравленно смотрел на Грениха. Тот перевел взгляд на Майку.

– У него и вправду здоровье слабое, – отозвалась дочь. – Он и физкультуру поэтому часто пропускает. Даже есть справка от районного ВКК.

– Майка, что здесь происходит? – гаркнул Грених.

– Папа, – она опять опустила глаза. – Не шуми. Я сейчас все объясню.

Ее рассказ Грених слушал, встав как вкопанный посреди кабинета, не сняв верхней одежды и не взглянув на Колю, который подобрал инструмент и сел обратно на стул, вцепившись в гриф. Только иногда с губ Константина Федоровича слетали недоуменные вопросы: «Что ты сделала? предложила пригласить Киселя куда? на «стрел-ку»? Что ты ему велела предложить? де-нег?»

Фролов слушал во второй раз, не смея сесть, но на его лице то и дело порывалась расцвести веселая улыбка, он давил ее, пуча глаза, гоняя стиснутый рот из стороны в сторону, нет-нет отворачиваясь, а то и похрюкивая.

Когда Майка закончила, Константин Федорович, тяжело выдохнув, покачал головой. Подхватив один из трех стульев, поставленных рядом у двери для посетителей, он перенес его к столу следователя и сел в торце, уронив на столешницу локоть.

– Леша, я не вижу ничего смешного, – сказал он сквозь нервно стиснутые зубы. Потом потянулся через стол и взял клочок бумаги, вырванной из тетради в клетку, – тот был испачкан и сделался весь в мелкую дырку от тесной близости с кирпичом и от ударов об пол при броске. На нем действительно было написано признание Киселя.

– Я отправил ребят проверить дом, – в свое оправдание молвил Фролов. – Может, Кисель еще не выбрался.

Грених поднял глаза на детей. Майка стояла по-прежнему с серьезным лицом и глазами, опущенными в пол. Себя она считала героем и победителем, хоть и изображала девичью невинность – потому что, как она любила пояснять, «того требовали обстоятельства». Коля низко опустил голову и продолжал мелко дрожать, вцепившись в свою виолончель.

– А его отцу звонили? – Константин Федорович дернул в его сторону головой.

– Да, тоже должны вот-вот прибыть и мать, и отец.

– Заведующий подотделом медицинской экспертизы и конфликтной комиссии, доктор Бейлинсон, уважаемый человек, – как бы самому себе напомнил Грених и замолк.

Стукнув кулаком по столу, так что взмыли в воздух бумажки, карандаши и ручки, он в крепких выражениях отчитал обоих, пытаясь донести до неокрепших умов, куда может завести игра с человеческими жизнями, о принуждении к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер, о малолетних преступниках и о том, что их может ждать в трудовой коммуне. Когда голос его гремел громче обычного, оба вздрагивали и вжимали головы в плечи.

Но подостывши, он иначе взглянул на не по-мальчишески утонченного, кажущегося трусливым неженку Колю. Все-таки юноша не побоялся сознаться в том, что был втянут в круг хулиганов, не струсил позвать такого здоровяка в пустой дом, да еще и вызов ему сделал, как следует от него получил. Невольно Константин Федорович зауважал парня, но Майке надо запретить дальнейшее общение. Причины объяснить себе он толком не мог, и это злило Грениха еще больше.

В коридоре слышались шаги нескольких пар ног. Ввалились два милиционера, таща за собой упирающегося Киселя. Его бушлат был разорван в подмышках, тельняшка грязная, волосы и лицо в пыли и паутине, брюки на одном колене порваны.

– Ты что, так и не вылез? – вскричала удивленная Майка. Но в лице ее не было и тени улыбки, она искренне посочувствовала своему пленнику. – Ну дает! Как же так-то?

– Ты... м-мелкая... сволота... гадюка, – плюясь и вырываясь, выдавил было Кисель, но, увидев перед собой Грениха, почему-то тут же перестал вырываться и сник в руках милиционеров. Его лицо вытянулось, стало каким-то недоуменно-испуганным и побелело, словно ему уже объявили смертный приговор.

– Я тебе честно дала уйти! – подняла обе ладони Майка.

– Замолчи, – цыкнул на нее Грених.

– Это... это что? – дрожащими губами проронил Кисель. – Твой отец?

– Ага, – подмигнула Майка.

– Это... что... вы гипноз будете применять?

Все ясно – мальчишки, что Коля, что Кисель, знали Грениха по газетам. В прошлом году гипнотический метод не сходил с передних полос.

– Будут-будут, – поддакнула Майка. – Очень болезненная процедура, после нее люди три дня пускают слюну, как после электрического тока. Но сначала клистир поставят. Так что готовься.

Грених переглянулся с Фроловым. Оба промолчали, не стали разубеждать насмерть перепугавшегося Киселя, Константин Федорович лишь грозно вытянул палец в сторону дочери, молчаливым жестом веля придержать язык за зубами.

Киселя допросили, упираться он при Гренихе не стал. Искоса и боязливо поглядывая на гипнотизера, он охотно ответил на все вопросы Фролова, тот составил протокол, который нужно будет успеть вместе с прикрепленным к нему вешдоком в виде признания предоставить судье. Потом задержанного вывели. До завтра он побудет под стражей в дежурной комнате, утром переместят в арестантский дом.

Вскоре вновь слышались шаги в конце коридора – теперь это была пара женских каблучков, жестко отстукивающих по доскам пола, и мягкая, шаркающая поступь мужчины в теле. В кабинет старшего следователя влетела женщина в костюме англезе из тонкой серой шерсти и в распахнутом мантии с высоким бобриковым воротником, короткие светлые, как у Коли, кудряшки торчали по сторонам оттого, что пришлось собираться наспех. Она относилась к тому типу красавиц, которые не старели и оставались очаровательными даже поднятые с постели среди ночи и в строгом английского вида костюме, какие приняты сейчас среди советских женщин. Ей было сорок или больше, но изящная утонченность и молодость делали ее на вид чуть больше тридцати, в жестах и постановке головы скользило старое воспитание, лицо не нуждалось в краске – большие серые глаза, гордый разлет бровей, аккуратный ротик, естественный румянец, впечатление портили лишь очень отчетливые складки в межбровье, выдающие напряженное недовольство. Грених едва успел подумать, как Коля похож на мать, она быстрыми шажками пересекла кабинет и рукой, обтянутой лайковой перчаткой, залепила сыну звонкую оплеуху.

– Ох-хо, – выдохнула машинально отшатнувшаяся от нее Майка, втянула голову в плечи, всем своим видом показывая искренне сочувствие.

– Это была последняя капля моего терпения! – вскрикнула мать Коли. – Опять после музыкальной школы где-то шляется?

Отец мальчика – грузный, неповоротливый пятидесятилетний мужчина, похожий на грушу с отвислым животом и нежными, как у женщины руками, лишь тяжело вздохнул, поцокав языком, сонно качнул головой. Лицо у него было ленивое, равнодушное, некрасивое, с толстыми губами и маленькими глазками, жидкие волосы неопределенного цвета, зачесанные

набок, прикрывали большие залысины. Роли Пушкина, Дубровского и Онегина Коля получал благодаря генетике своей матери, подарившей ему кудри, медовый их цвет и черты лица, как у Аполлона. Только глаза были не ее.

– Нам можно его забрать? – вскинулась она.

Фролов был несколько обескуражен резким жестом женщины, не ожидал, впрочем, как и все, что та начнет колотить и без того побитого ребенка. На помощь пришел Грених.

– Боюсь, что прежде нам придется кое в чем разобраться, – начал он сухим тоном судьи. – Послезавтра слушание по делу Михэли Цингера, который якобы устроил 17 сентября у вашего дома беспорядки, был избит и брошен умирать во дворе.

Мать Коли поджала губы, вскинув хорошенький подбородок.

– К нам это не имеет никакого отношения.

– Боюсь, вы ошибаетесь. Ваш сын тоже участвовал в этих беспорядках.

Грених повернулся к Коле, глядя на него сверху, как коршун, и ледяным тоном спросил:

– Чем ты ударил Михэли, Николай?

– Обломком кирпича, – прошептал Коля, с усилием разлепляя опухшие, в засохшей крови и посиневшие губы.

– Когда ты это сделал? Свидетели есть?

– После того, как все разошлись уже... с Киселем были его ребята.

– Кто? Ты их знаешь?

– Было темно, я не разглядел.

– Что? – взвилась его мать.

– Ольга Витольдовна, – мягко обратился к ней Грених. – Не торопитесь с суждениями. Сначала прочтите вот это.

И он передал ей письменное признание Киселя.

– Кто это такой – Никанор Кисель? Я такого не знаю! Что за странное имя? Это кличка?

– Нет, фамилия. Ваш сын был с ним знаком.

– Зачем? *Зачем?* – задыхалась Ольга Витольдовна, тряся признанием у Коли под носом, ему приходилось, скривившись, уворачиваться.

– Хорошо бы это выяснить, конечно, – Грених мягко забрал у той бумагу, боясь, что она в сердцах разорвет ее или скомкает, и вернул на стол.

– Ты будешь молчать?! – тон женщины стал высоким и пронзительным. И как-то странно были произнесены эти слова, будто утверждение. Но мать Коли трясло, она была бледна, вот-вот падет без чувств от ярости. Она не находила слов, чтобы выразить свое негодование.

– Он задибался, – начал Коля, глядя в пол. – Я хотел поквитаться. Разве это не то, что...

– Поквитаться?

– Я хотел быть, как...

– Чего ты хотел? Чего? Вот этого? Милиции?

– Я должен был доказать...

– Замолчи! – мать не давала сыну возможности говорить, перебивая его и насакивая, заставляя вжимать голову в плечи в ожидании очередной порции оплеух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.